

А. В. Антошин

Д. Л. Стровский

**ЭМИГРАЦИЯ
И РЕПАТРИАЦИЯ
СОВЕТСКИХ ЕВРЕЕВ
В 1960–1970-е гг.**

*и отражение этих
процессов в прессе*

А. В. Антошин

**Эмиграция и репатриация
советских евреев в 1960-1970-
е гг. и отражение этих
процессов в прессе**

«Издательские решения»

Антошин А. В.

Эмиграция и репатриация советских евреев в 1960-1970-е гг.
и отражение этих процессов в прессе / А. В. Антошин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510609-4

Тема еврейской эмиграции прежде уже становилась объектом внимания. Однако до сих пор не было опубликовано ни одной монографии, где бы эти вопросы исследовались через содержание прессы. Авторы рассматривают данную тему на примере израильских, американских, европейских и советских печатных СМИ. Книга рассчитана на политологов, историков, культурологов, исследователей журналистики, а также всех тех, кому не безразлично прошлое, настоящее и будущее России и еврейской культуры,.

ISBN 978-5-00-510609-4

© Антошин А. В.
© Издательские решения

Содержание

Введение	6
Глава I	14
Глава II	31
Русскоязычная пресса Израиля: становление и развитие	33
Журналы «Время и мы» и «22»: особенности содержания	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Эмиграция и репатриация советских евреев в 1960-1970-е гг. и отражение этих процессов в прессе

А. В. Антошин
Д. Л. Стровский

Корректор Л. И. Гинцель

© А. В. Антошин, 2020

© Д. Л. Стровский, 2020

ISBN 978-5-0051-0609-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Печатается по решению Центра израилеведения и академической иудаики кафедры востоковедения Уральского федерального университета (Руководитель центра – доктор исторических наук, профессор В.А.Кузьмин)

Рецензенты:

Г. С. Мельник, профессор, доктор политических наук, профессор Школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета;

М. Г. Агапов, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры новой истории и мировой политики Тюменского государственного университета;

В. А. Кузьмин, профессор, доктор исторических наук, профессор кафедры востоковедения Уральского федерального университета (Екатеринбург)

Введение

Российская диаспора за рубежом¹ во все времена позиционировала себя как уникальный в своем развитии феномен, сформированный на основе ценностных ориентиров отечественной духовной культуры. «Мы не в изгнании, мы в послании», – повторял вслед за Дмитрием Мережковским другой эмигрантский писатель и публицист Роман Гуль, добавлявший, что одной из основополагающих задач отечественной эмиграции, в каких бы условиях она не формировалась, является сохранение своей идентичности в рамках переплетения новых культур. В отстаивании этого принципа российские эмигранты во все времена видели свое предназначение, воспринимаемое ими как «послание потомкам».²

При всей духовной значимости этого суждения нельзя не признать его определенную идеалистичность. Эмиграция всегда объединяет людей, разнящихся по своим культурным и морально-нравственным приоритетам, запросам и восприятию жизни, что не позволяет им стать носителями единых этических ценностей. Российская диаспора в этом смысле не стала исключением из правил. Более того, те многочисленные волны, которые она прошла, начиная еще с середины XIX в.³, позволяют говорить о ней, как о чрезвычайно объемном понятии, вместившем в себя огромное многообразие духовных и политических интересов, зачастую никак не объединенных между собой. Представители диаспоры нередко находились по отношению друг к другу в состоянии ярко выраженной непримиримости, что выражалось в публичных спорах на страницах русскоязычных эмигрантских СМИ. Особенно выпукло конфликтные отношения между эмигрантами дали знать о себе в XX в., когда за пределами России оказались уже не сотни тысяч, а миллионы соотечественников.

Это относится, в частности, к ситуации первых послереволюционных лет,⁴ когда за границами Советской России в одночасье обосновалось огромное число русскоязычных людей.⁵ В тот период, как мы читаем в некоторых мемуарах, эмигранты еще пытались позиционировать

---

¹ Понятие «диаспора» носит дискуссионный характер, в литературе существуют различные его трактовки. Так, по мнению известного этнолога Ю. И. Семенова, диаспора – это, прежде всего, этническое понятие и подразумевает ситуацию, когда члены этноса дисперсно живут на территории, основное население которой принадлежит к иной этнической общности. Другой трактовки придерживается В. А. Тишков, полагающий, что диаспора – это «стиль жизненного поведения, а не жесткая демографическая или тем более этническая реальность». В. А. Тишков подчеркивает, что диаспоры могут быть мультиэтническими, относя к их числу и российскую диаспору. Одновременно он выступает против расширительной трактовки понятия «диаспора». По его мнению, до революции 1917 г. Россия в значительной мере создавала «диаспорный материал» для других стран». См.: Семенов Ю. И. Этнос, нация, диаспора // Этнографическое обозрение. 2000, №2. С. 66; Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры / Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX-XX вв. М., 2001. С. 22.

² Беседа Р. Гуля с литературным критиком Дж. Глэдом, [http://video.yandex.ru/search.xml?text=Гуль Роман&where=all&id=86849306](http://video.yandex.ru/search.xml?text=Гуль+Роман&where=all&id=86849306)—00

³ О волнах российской эмиграции см.: Ахизер А. С. Эмиграция из России: культурно-исторический аспект // Свободная мысль. 1993. №7; Поляков Ю. А. Проблемы эмиграции и адаптации в свете исторического опыта // Новая и новейшая история. 1995. №3. С. 8—15; Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. №1. С. 53—69; Эмиграция и репатриация в России / В. А. Ионцев, Н. М. Лебедева, М. В. Назаров, А. В. Окороков. М., 2001 и др.

⁴ Применительно к данной книге нас интересует в первую очередь эволюция эмигрантского процесса, начавшаяся после прихода к власти большевиков. Если до этого времени граждане страны уезжали за рубеж в поисках лучшей жизни, главным образом, по экономическим причинам, то после 1917 г. главной причиной для отъезда становится «политический фактор». Гонения усиливаются в отношении самых различных групп населения, «запятнавших» себя перед властью по идеологическим, религиозным, национальным и иным причинам.

⁵ Назвать точную цифру российских граждан, оказавшихся в это время в эмиграции, трудно: слишком хаотичным оказался поток. Выступая в 1921 г. на X съезде РКП (б), В. И. Ленин говорил, что общее число русских эмигрантов составляет «полтора или два миллиона» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 39). Спустя три года писатель И. А. Бунин озвучил другую цифру: 3 млн. чел. (Бунин И. А. Миссия русской эмиграции: Речь, произнесенная в Париже 16 февр. 1924 г. // Бунин И. А. Окаянные дни. М., 1991. С. 300). Эта же цифра присутствует в некоторых англоязычных работах нашего времени (См.: Lanin B. Experiment and Emigration: Russian Literature, 1917—1953 // Russian Literature. New York, 2001. P. 184).

себя в качестве общности, консолидированной по своим духовным и политическим запросам. «Теперь уже окончательно выяснилось, – с гордостью отмечала в 1920-е гг. известная писательница Надежда Тэффи (Лохвицкая), – что русская эмиграция лучшая в мире, что нигде и никогда такой чудесной эмиграции не было. Все страны наперебой стараются заполучить к себе побольше эмигрантов, гордятся ими друг перед другом [...]. Таково международное положение русской эмиграции. За что же ценят ее? Я думаю – более всего за ту моральную сплоченность, за тот драгоценный слиток дружбы, любви и взаимоуважения, который являет ее духовный облик».⁶

Однако Н. А. Тэффи, на наш взгляд, изрядно идеализировала ситуацию внутри русского зарубежья. Нельзя, правда, отрицать, что большую работу по оказанию разнообразной помощи эмигрантам проводили дипломатические представительства старой России в разных странах мира, ставшие своеобразными центрами, вокруг которых консолидировались эмигранты. Схожую функцию выполняли и православные приходы, разбросанные по странам и континентам. Наконец, получала широкое распространение корпоративная солидарность эмигрантов, которые воевали в одних и тех же частях Русской императорской и Белой армий, являлись выпускниками определенных гражданских и военных учебных заведений и т. д. В рамках этих структур существовали традиции взаимопомощи, которые поддерживались в течение многих лет.

Тем не менее, в сложившихся условиях представителям отечественной эмиграции была свойственна разьединенность по причине ярко выраженных политических, социальных и иных разногласий и противоречий, господствовавших в той среде. Сложности взаимодействия во многом стали следствием неблагоприятных условий жизни, в которых оказались эти люди.

Российские эмигранты принесли в новую реальность те самые проблемы, с которыми жили в своей стране. Добавим к сказанному постоянную необходимость преодолевать огромное число сложностей – языковых, ментальных, бытовых, не дающих возможности сходу вжиться в местные реалии.⁷ Все это формировало в людях неприязнь, зависть и неудовлетворенность по отношению друг к другу. Данная ситуация была характерна для русскоязычной среды за рубежом на протяжении всего XX в. Враждебность, хотя подчас и скрытая, многих эмигрантов по отношению друг к другу сегодня также достаточно остро ощущается в русскоязычных общинах, раскиданных по всему миру.

Фактически в ходе всех волн эмиграции из России и Советского Союза, имевших место с первых лет советской власти, в ее среде не переставали вестись острые дискуссии по широкому кругу вопросов. Временами они сопровождались резкими, даже оскорбительными, выпадами людей в адрес своих политических оппонентов. При этом поколебать мнение каждой из сторон практически не представлялось возможным. То же самое относится и к сегодняшнему дню, когда ожесточенные споры, звучащие в общественном пространстве, и, в частности, в русскоязычных печатных СМИ за рубежом, ведут к еще большему размежеванию эмигрантов. Это отчетливо видно на примере обсуждения внутривнутриполитических вопросов, касающихся жизни тех стран, в которых проживают русскоязычные диаспоры.⁸

---

⁶ Тэффи Н. Лекция об эмиграции, http://litinternet.bg/publish24/nadezhda-teffi/nashe_zhitie/lekciia.htm.

⁷ На эту тему имеется большое число различных мемуаров, написанных представителями первой эмигрантской волны, и не только. См.: Белов В. Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье. Опыт исследования психологии, настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время. М.– Прага, 1923; Добужинский М. В. Мои воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1976; Гессен И. В. Годы изгнания: жизненный отчет. Париж, 1979; Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. 1. Нью-Йорк, 1981; Афанасьев А. Л. Полюнь в чужих полях. М., 1987.; Шалютин Ф. И.. Маска и душа: Мои сорок лет на театрах. М., 1990; Дон Амико. Поезд на третьем пути. М., 1991; Кузьмина-Караваева Е. Ю. Испытание свободой. Избранное. М., 1991; Раев М. И. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919—1939: Пер. с англ. М., 1994; Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. Ставрополь, 1992; Ильина Н. И. Дороги и судьбы. М., 1988.

⁸ В качестве подтверждения может служить, в частности, предвыборная ситуация в современном Израиле. В 2019—2020 гг. здесь трижды проходили выборы в Кнессет (парламент), в ходе которых ни одна из политических партий не могла набрать абсолютное большинство голосов. Попытки составить коалицию также не увенчались успехом. Все это время в обществе не прекращались ожесточенные споры по поводу ситуации в стране, в которой активное участие принимали представи-

Нельзя не признать, что от одной волны к другой менялся социальный, национальный, религиозный и иной состав уезжавших из СССР людей. Вот почему самоидентификация каждой волны русскоязычной эмиграции всегда была проблемным явлением.⁹ В последние годы охарактеризовать эту ситуацию стало еще сложнее. Поток отъезжающих сделался большим и многослойным – настолько, что его уже невозможно характеризовать с каких-либо единых позиций. Все это создает серьезные трудности в деле понимания современной диаспоры как общественно-политического явления, которому одновременно присущи определенные культурно-этические ценности, меняющиеся в зависимости от особенностей исторического момента, специфики общей социальной среды, сложившейся в той или иной стране и т. д.

Сказанное выше подтверждается и в ходе изучения настроений отдельных волн эмиграции из СССР, в том числе и третьей,¹⁰ которая сформировалась с конца 1960-х и в ходе 1970-х гг. из числа людей, уехавших из Советского Союза и поселившихся преимущественно в Израиле и США.

В предлагаемой монографии мы подробно останавливаемся на данном этапе советской эмиграции с учетом нескольких факторов, определивших уникальность ее «лица» на фоне предшествовавших волн.

Во-первых, эта эмиграция стала заметным явлением в жизни Советского Союза, что определяется, в частности, ее количественными характеристиками. По различным оценкам, в период с 1948 г. и до второй половины 1980-х гг. СССР покинуло до полумиллиона человек, что сопоставимо с численностью предыдущей, второй, волны, куда входили, в основном, военнопленные и жители захваченных территорий, не пожелавшие по различным причинам возвращаться на родину после Второй мировой войны.¹¹ Во-вторых, не менее значимым фактором в ходе третьей волны выглядит национальный состав отъезжавших, что также придает особую специфичность этому явлению. Так, с конца 1960-х гг. и до самого начала 1990-х гг. Советский Союз покинуло 125 тыс. этнических немцев (обосновавшихся затем в основном в Западной Германии) и 60 тыс. армян, уехавших преимущественно во Францию и США.¹² Вместе с тем самую большую часть всех советских эмигрантов этого периода составили евреи и члены их семей – около 300 тыс. чел.¹³

Таким образом, ни одна из предшествовавших волн не носила столь выраженный этнический характер, как та, что имела место в 1960-1970-е гг. Большинство эмигрировавших евреев – примерно 180 тыс. чел. – прибыло тогда в Израиль, остальные уехали в США, Германию и ряд других стран.¹⁴

тели русскоязычного населения. Примечательно, что за целый год развития данного процесса в Израиле они не демонстрировали никакой тяги к консенсусу, что выражалось в бесконечных спорах и даже оскорблениях друг друга, звучавших публично.

⁹ Эта неоднородность становится особенно заметной в тех исследованиях, где анализируются проблемы отечественной эмиграции. См., напр.: *Прошин А. А.* Историография российской эмиграции. Екатеринбург, 2000. Именно поэтому П. Н. Базанов и многие другие авторы призывают разводить понятия «русская эмиграция» («люди, воспитанные в русской культуре, для которых русский язык был родным») и «российская эмиграция» (выходцы из России, «фактически никак не связанные с русской государственностью и культурой»). См. *Базанов П. Н.* Издательская деятельность политических организаций русской эмиграции (1917—1988 гг.). СПб., 2008. С. 9.

¹⁰ В известном смысле понятие эмигрантских волн носит условный характер. Тем не менее, мы, как и многие другие исследователи, используем его в данном труде.

¹¹ *Полян П.* Эмиграция: кто и когда в XX веке покидал Россию / Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграция / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М., 2005. С. 493—519.

¹² *Алексеева Л. М.* История инакомыслия в СССР: новейший период. Вильнюс – М., 1992; *Видмайер К.* «Помогите нам остаться в России!» // Родина. 1991. №8. С. 61—65; *Горянин А.* Русские немцы. Вопрос непростой // Русская мысль. Париж, 1997. №4186. С. 9

¹³ *Алексеева Л. М.* Там же.

¹⁴ *Фридгут Т.* Влияние иммигрантов из СССР/СНГ на израильскую идентичность / «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Сост. и ред. М. Кенигштейн. Москва-Иерусалим, 2007. С. 68.

Условно бывших советских граждан можно поделить на «западников», выехавших из Прибалтики и Западной Украины, «традиционалистов», представлявших жителей среднеазиатских и кавказских республик (преимущественно Грузии) и целенаправленно выбравших Израиль, а также «нейтралов» – выходцев преимущественно из крупных городов Советского Союза. Разный образ жизни, присущий этим группам, не позволяет говорить о целостной идентификации еврейского населения СССР. Однако ни одна из названных групп не унаследовала образа жизни, который вели представители еврейского населения дореволюционных местечек.

Подавляющее большинство этих людей не были евреями в классическом смысле слова, если идентифицировать их в соответствии с еврейской традицией и канонами иудаизма, которые разделяли иудеи, жившие в дореволюционной России. Правильно говорить о совершенно новой еврейской идентичности, сформированной в условиях советской власти. Представители этой части социума воспринимали себя, исходя главным образом – как не парадоксально – из «непохожести» на представителей других национальностей, что накладывало отпечаток на их взаимодействие со всей советской социально-политической системой.¹⁵

Несмотря на сказанное выше, формальная принадлежность многих советских эмигрантов этого времени к еврейству (пусть зачастую размытому в их сознании) и Израилю, воспринимаемому в качестве конечного пункта такого путешествия, позволяет назвать третью волну преимущественно репатриантской.

Изучение любого явления происходит на основе различных методов и источников. Не утрачивают своей актуальности, например, опросы и интервью, посредством которых можно увидеть настроения и интересы исследуемой аудитории. Полезным выглядит изучение биографий известных деятелей эмиграции, дающее представления о духовной атмосфере того или иного времени. Наше внимание, однако, сосредоточено на содержании СМИ как источников информации, позволяющих обнаружить социально-политические тенденции в их повседневном отражении. Изучение того, как в зеркале прессы отражалась эмиграция советских евреев в 1960-1970-е гг., и стало целью данной работы.

Это дало возможность не только пристально взглянуть на общественные настроения обозначенного времени, но и увидеть содержательные тенденции самой прессы, значимые для историков, политологов и представителей других гуманитарных дисциплин, а также исследователей и практиков в области массово-информационной деятельности. Главный интерес представляли публикации печатных СМИ в первую очередь проблемно-аналитического содержания, позволившие увидеть политические и нравственно-мировоззренческие позиции прессы, что важно для понимания настроений эмигрантов и репатриантов того времени.

Степень изученности темы

История репатриации в Израиль евреев из Советского Союза привлекает внимание исследователей на протяжении уже многих десятилетий. Важной на общем фоне выглядит книга Б. Морозова, где опубликовано большое количество документов, посвященных этой теме.¹⁶ Особое внимание традиционно уделяется, в частности, изучению внутренних и внешних факторов, определивших настроения репатриантов.¹⁷ Повышенный интерес представляют причины отъезда этих людей из СССР (иногда объединенные в широкое понятие: «выталки-

---

¹⁵ Штерн Ю. Влияние русско-еврейской иммиграции на становление Израиля и статус русскоязычной общины в израильском обществе / «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета... С. 9—25.

¹⁶ Morozov, B. (ed.) Documents on Soviet Jewish Emigration. London, 1999.

¹⁷ Zaslavsky, V. & Brym R. Soviet Jewish Emigration and Soviet Nationality Policy. New York: The Macmillan Press, 1983; Костырченко Г. Политика советского руководства в отношении еврейской эмиграции после XX съезда КПСС (1956—1991) // Еврейская эмиграция из России. 1881—2005. М.: РОССПЭН, 2008. С. 202—219; Морозов Б. Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим – Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2007; Фридгут Т. Влияние иммигрантов из СССР / СНГ на израильскую идентичность // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим – Москва: Гешарим; Мосты культуры, 2007 и др.

вание» из страны). Именно внутривнутриполитические, а не внешние факторы (к примеру, давление на СССР со стороны западных стран, включая США) часто оказываются на первом плане при оценке этого явления.¹⁸

Отдельные исследователи обращают внимание на особенности советской национальной политики как главенствующего фактора, повлиявшего на желание евреев покинуть СССР.¹⁹ Например, профессор Е. Моравска отмечает, что советская политика в отношении евреев колебалась между «этнонациональной дискриминацией» и «универсальной марксистской интеграцией». В соответствии с этим советская государственная политика, поддерживавшая антисемитские настроения, была нацелена на унификацию общественного сознания, что и вынуждало евреев покидать страну.²⁰ Канадские исследователи В. Заславский и Р. Брим также показали тесную связь отъезда евреев с советской национальной политикой. Она проявила себя еще во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., в ходе сталинской кампании по борьбе с «безродным космополитизмом», а также во время длительной дискриминации евреев – в ходе их поступления в вузы, устройстве на работу, приеме в партию и т. д.²¹ Схожее восприятие присутствует и в книге П. Вайля и А. Гениса.²²

Следует признать, что отдельные проявления внутренней и внешней политики в СССР периодически менялись в зависимости от особенностей исторического момента. Соответственно, и «еврейская тема» в советском обществе воспринималась на различных этапах его развития по-разному. Однако антисемитизм, по мнению ряда зарубежных исследователей, сохранялся «при всех режимах» как важный элемент советской общественной жизни, что подавляло еврейское самосознание в Советском Союзе и делало невозможным для этих людей стать самостоятельной нацией.²³

В связи с этим важной представляется проблема идентичности советских евреев.²⁴ Бытует мнение, что еврейский менталитет был изначально несовместим с характером политического режима в СССР.²⁵ Так, К. Шиндлер считал мифами довольно распространенные суждения о том, что стремление евреев эмигрировать из Советского Союза началось только после провозглашения государства Израиль или вследствие Шестидневной войны. Движение за выезд, указывал он, получило развитие тогда, когда «тоталитарные аспекты большевизма стали вступать в конфликт с мессианскими принципами социальной справедливости, связанными с еврейской традицией». Это случилось еще в конце 1920-х гг., в ходе «закручивания гаек» во внутренней и внешней политике.²⁶

Отмеченный вопрос по-прежнему является дискуссионным. Мы уже обмолвились, что еврейское население такой огромной по размерам страны как Советский Союз не было схожим, и его жизнь определялась разными традициями, бытовавшими в том или ином реги-

¹⁸ Шварц С. Антисемитизм в Советском Союзе. Нью-Йорк, 1952; Рожанский А. Антиеврейские процессы в Советском Союзе: 1969—1971. Иерусалим, 1979; Salitan, L. R. Politics and Nationality in Contemporary Soviet-Jewish Emigration. 1968—1989. London, 1992.

¹⁹ Levin, N. The Jews in the Soviet Union since 1917: Paradox of Survival. Vol. 2. New York; London, 1988; Low, A. Soviet Jewry and Soviet Policy. New York, 1990; Умланд А. Официальный советский антисемитизм послесталинского периода // Pro et Contra, 2002. Т. 7, №2.

²⁰ Morawska, E. Intended and Unintended Consequences of Forced Migrations: A Neglected Aspect of East Europe's 20th Century History // International Migration Review. New York. 2000. Vol. 34. P. 1058.

²¹ Zaslavsky V. & Brym R. Op.cit. P. 18.

²² Вайль П., Генис А. Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. Москва-Иерусалим. 1983.

²³ Roi, Y. The Struggle for Soviet Jewish Emigration. 1948—1967. Cambridge, 1991; Altshuler M. Soviet Jewry since the Second World War: Population and Social Structure. New York, 1987. Ben-Rafael, E. et al. Building a Diaspora. Russian Jews in Israel, Germany and the USA. Leiden, Boston, 2006; Костыриченко Г. В. Сталин против «космополитов». Власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010.

²⁴ Roi, Ya. & Beker, A. (eds.) Jewish Culture and Identity in the Soviet Union (1991). New York, London, 1991.

²⁵ Диккий А. Русско-еврейский диалог. Нью-Йорк. 1971.

²⁶ Shindler, C. Exit Visa, Détente, Human Rights and the Jewish Emigration Movement in the USSR. London, 1978.

оне. Еврейская культура в центральных российских городах существенно отличалась от той, которая была характерна для евреев Северного Кавказа, Грузии, Молдавии или Прикарпатья. В связи с этим отдельно следует отметить труды, посвященные региональным группам советских евреев, в частности, судьбам этих людей, живших в Прибалтике.²⁷ В любом случае говорить о каком-то единообразии мышления советских евреев невозможно. Соответственно, и влияние официальной идеологии на эти группы осуществлялось по-разному. Однако верно и то, что стремление евреев массово покинуть страну наиболее отчетливо проявилось лишь через полвека после установления советской власти.

В израильской и западной литературе вопросы репатриации советских евреев рассматриваются в рамках более общей проблематики – эволюции израильского государства. Прибытие сюда в 1970-е гг. евреев из Советского Союза характеризуется как один из наиболее важных этапов истории репатриации (алии).²⁸ Сущность понятия «алия» рассматривается в начале первой главы этой книги. Историки связывают различные периоды ее существования с эволюцией еврейского национального самосознания в СССР, предопределяемой конкретными политическими событиями.²⁹ В конце 1980-х гг., в условиях горбачевской перестройки, начинается большая алия, связанная уже с массовым выездом евреев из СССР. Эта проблематика находится в центре внимания работы М. Гилберта.³⁰ Хотя данный период во временном отношении не входит в рамки нашей темы, внимание к нему позволяет более осмысленно представить особенности целостного процесса репатриации.

Помимо трудов, посвященных изучению выезда евреев из Советского Союза, мы исследовали работы, касающиеся их жизни в Израиле, США и других принимающих странах. Отметим в связи с этим монографию под редакцией З. Гительмана, М. Гланца и М. Голдмана, посвященную различным аспектам жизни бывших советских евреев, оказавшихся после отъезда в разных странах, включая Израиль. Стоит назвать также объемные сборники «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета» и «Израиль: русские корни», в написании которых приняли участие исследователи Еврейского университета в Иерусалиме, известные журналисты и общественные деятели Израиля.³¹ Внимание политической деятельности репатриантов из СССР в Израиле уделено в статье В. В. Энгеля.³²

Значительно менее исследована в научной литературе специфика социально-бытовой адаптации советских евреев в США. На общем фоне следует отметить труд М. Фридмана и А. Чернина, посвященный кампании помощи советским евреям, проведенной в США.³³ В работе П. Аппельбаума рассмотрено отражение в американском общественном сознании процесса выезда евреев из СССР (в том числе, помощи советским евреям со стороны еврейских организаций США).³⁴

²⁷ Schoenburg, N. & Schoenburg, C. Lithuanian Jewish Communities. New York; London, 1991; Steimanis I. History of Latvian Jews. New York, 2002.

²⁸ Rosenzweig, R. The Economic Consequences of Zionism. Leiden, 1997; Stein, L. The Hope Fulfilled: The Rise of Modern Israel. Praeger, 2003; Romano, A. A Historic Atlas of Israel. London, 2003.

²⁹ Lears, R. Fulfillment – The Epic Story of Zionism: the Authoritative History of the Zionist Movement from the Earliest Days to the Present Time. Read Books, 2007; Gartner, L. History of the Jews in Modern Times. Oxford, 2010.

³⁰ Gilbert, M. Soviet Jews: Their Situation in Recent Years (in) R. Kozodoy (ed.) *Vision Confronts Reality: Historical Perspectives on the Contemporary Jewish Agenda*. Madison, New Jersey, 1989.

³¹ Jewish Emigration: Trails, Achievements, Doubts and Dilemmas; Jewish Life after the USSR / Ed. by Gitelman, Z. & Glants, M. & Goldman, M. Bloomington; Indianapolis, 2003; «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета / Сост. и ред. М. Книгштейн. Иерусалим – Москва, 2007; Израиль: русские корни / Под ред. М. Пархомовского. Иерусалим, 2011.

³² Энгель В. В. Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР / СНГ последней трети XX – начала XXI вв. (на примере Израиля, США и Германии) // История российской зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941—2001. М., 2007. С. 172—198.

³³ Freidman M. & Chernin A. (eds.) A Second Exodus. The American Movement to Free Soviet Jews. Hanover, London, 1999.

³⁴ Appelbaum P. The Soviet Jewry Movement in the United States (in) Michael Dobrowski's American Voluntary Organizations, Greenwood Press, 1986

Таким образом, существует обширная исследовательская литература, анализирующая социально-политические, духовные приоритеты и ментальные характеристики еврейского населения в СССР, которые предопределили разрыв многих его представителей с первоначальной страной проживания.

Вместе с тем тема освещения алии непосредственно в СМИ никогда не становилась объектом специального изучения. В целом ряде исследований, правда, поднималась содержательная проблематика русскоязычных эмигрантских СМИ.³⁵ Некоторые наблюдения по этому поводу можно найти и в мемуарах эмигрантов разных лет.³⁶ Однако до сих пор не опубликовано ни одной объемной научной монографии, где бы «еврейский вопрос» исследовался непосредственно через призму его медийного восприятия. Отдельные исследования лишь косвенно касались этой темы.³⁷ Если говорить о роли СМИ применительно к развитию алии 1960-1970-х гг., то она также рассматривалась лишь фрагментарно, без скрупулезного изучения содержания самих первоисточников.³⁸ Поэтому следует утверждать, что тема, вынесенная в заглавие нашей книги, по-прежнему остается недостаточно изученной. Мы, по существу, делаем лишь скромную попытку внести свой вклад в этот процесс научного познания, являющегося междисциплинарным.

Эмпирическая база исследования

Данное исследование основано на изучении печатных СМИ 1970-х гг., получивших достаточную известность, но никогда не рассматриваемых с позиций освещения «еврейской темы».

Для более пристального восприятия взяты публикации русскоязычных журнальных изданий Израиля («Время и мы», «22»), прессы Русского зарубежья в США и Европе («Новый журнал», «Посев», «Континент»), ведущих американских газет («Нью-Йорк таймс», «Чикаго трибьюн», «Лос-Анджелес таймс», «Крисчен сайнс монитор») и одной из наиболее популяр-

³⁵ Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920—1970). Ч. 1. Париж, 1971; Постников С. П. Политика, идеология, быт и ученые труды русской эмиграции. 1918—1945. Т. 1. Нью-Йорк, 1993; Овсепян Р. П. В лабиринтах истории отечественной журналистики. М., 2000; Сюмела Ю. Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918—1940 гг. / Пер. с финского Л. В. Суни. СПб., 2004; Лебедева С. Э. Основные направления литературной полемики русского зарубежья первой волны и их отражение в журнале «Современные записки». М., 2007; Скарлыгина Е. Ю. Журналистика русской эмиграции 1960—1980-е годы. М., 2010; Беседа Р. Гуля с литературным критиком Дж. Глэдом, <http://video.yandex.ru/search.xml?text=ГульРоман&where=all&id=86849306—00>; Березовая Л. Г. Культура русской эмиграции 1920-30-х гг.: культурная миссия послереволюционной эмиграции как наследие Серебряного века, <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-russkoy-emigratsii-1920-30-eg/viewer>; Johnson, R.H. New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920—1945. Kingston, 1988.

³⁶ Вишняк М. Годы эмиграции, 1919—1969. Стэнфорд, 1970; Добужинский М. В. Мои воспоминания. Т. 1. Нью-Йорк, 1976; Гессен И. В. Годы изгнания. Париж, 1979; Гуль Р. Б. Я унес Россию. Т. 1. Нью-Йорк, 1981; Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988; Кузьмина-Караваева Е. Ю. Испытание свободой. Избранное. М., 1991; Максимов В. Е. Писатель, диссидент, эмигрант, патриот [Беседа с писателем / Записали Е. М. Максимов и др.] // Международная жизнь. 1992. №1. С. 150—158; Довлатов С. Д. Марш одиноких. Holyoke (Mass.), 1983; Переписка Сергея Довлатова с Виктором Некрасовым. Публ. Елены Довлатовой // Звезда, 2006. №9. С. 91—101.

³⁷ Клемперт А. И. Евреи Москвы в русской периодической печати 1870—1910 гг. Дисс... канд. филол. Н. М., 2009; Гетманский Э. Русско-еврейская периодическая печать и ее влияние на еврейскую литературу, http://www.berkovichzametki.com/2015/Zametki/Nomer8_9/Getmansky1.php; Семин Е. Судебная хроника «Одесской газеты» (1941—1944 гг.) как источник по выявлению судеб новых Праведников народов мира / Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Вып. 13: Сборник / Сост.: М. В. Гилева, Т. Б. Пасман; под ред. И. А. Альтмана. М., 2016.

³⁸ Zilberg, N. & Leshem E. Russian-Language Press and Immigrant Community in Israel // Revue European des Migrations Internationales, 1996. №12 (3), p. 173—190; Эпштейн А. Средства массовой информации и политические перемены в Израиле // Ближний Восток и современность. 2001. №12. С. 291—307; Caspi, D. & Adoni H. The Red, the White and the Blue: The Russian Media in Israel // International Communication Gazette, 2002, https://www.academCia.edu/6766392/The_Red_the_White_and_the_Blue_The_Russian_Media_in_Israel; Энуштейн А. Государство еврейских диаспор: этнолингвистическое многообразие израильских СМИ // Диаспоры, 2006. №3. С. 222—260; Caspi, D. A Revised Look at Online Journalism in Israel: Entrenching the Old Hehemony // Israel Affairs. 2011. 17 (3). P. 341—363; Энуштейн А. Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката // Израиль: русские корни. Иерусалим, 2011.

ных советских газет 1960-1970-х гг. («Известия»). Таким образом, внимание к вопросам репатриации и эмиграции проанализировано на примере печатных СМИ разных стран, что позволяет увидеть ее во всем многообразии медийного контента.

Наше исследование поэтому носит вполне репрезентативный характер, сосредотачивающий основное внимание на тех публикациях, где представлена позиция редакционных коллективов данных печатных изданий. Выборка статей осуществлялась по ключевым для выбранной темы словам: «евреи», «советские евреи», «еврейская эмиграция», «репатриация евреев в Израиль», «алия». За отмеченный временной период было проанализировано в общей сложности свыше 500 редакционных статей и корреспонденций, а также писем, большинство из которых никогда до этого не становились предметом исследования. Благодаря этому появилась возможность обнаружить новые грани исследуемой проблематики, связанной с жизнью бывших советских евреев в Израиле и США, а также содержательные закономерности, предложенные самой прессой в постановке этих вопросов.

Завершая введение, авторы хотели бы выразить благодарность В. А. Кузьмину, профессору Уральского федерального университета (Екатеринбург), и Э. Ю. Бормашенко, профессору Ариэльского университета в Израиле, за методическую помощь и моральную поддержку в ходе проведения исследования. Мы также признательны всем российским и зарубежным коллегам, заинтересованно воспринимающим наш устойчивый научный интерес к вопросам эмигрантской и репатриантской проблематики, который сложился на протяжении многих лет.

Глава I

Репатриация и эмиграция евреев из СССР 1960-1970-х гг. как общественно- политический феномен: к эволюции вопроса

Несмотря на то, что понятия «эмиграция» и «репатриация» несут в своей основе общий смысл, определяемый переселением из одной страны, в данном случае СССР, в другую, содержательный смысл этих понятий существенно различается. Если эмиграция предполагает просто переезд в новую страну, то еврейская репатриация в переводе на иврит звучит как алиа, что означает «восхождение», «движение вверх». Под этими словами понимается возвращение евреев именно в Палестину, откуда, собственно, и пошла история еврейского народа после его исхода из египетского рабства и получения от б-га на горе Синай главной книги – Торы. Таким образом, алиа изначально символизирует для человека не просто перемену места проживания, но имеет глубокий сущностный характер. Речь, в данном случае, идет, прежде всего, о поиске евреями смысла жизни как неотъемлемой составляющей процесса алиа, которая не завершается с их переселением в Палестину, но продолжается в дальнейшем.

Всем этим объясняется и чрезвычайно трепетное отношение к процессу «восхождения» в современном Израиле, понимаемому как важное условие обретения евреями внутренней гармонии с самими собой и окружающим миром. Важнейшим становится осознание человеком того, что он не просто переезжает жить за границу, а возвращается на свою историческую родину. И хотя нынешний повседневный быт евреев, обосновавшихся на Святой земле, далеко не всегда соответствует сакральному предназначению, обозначенному Торой, философский и духовный смысл алиа остаются неизменными. Это во многом определяет самоидентификацию еврейского народа, включающего в себя огромное число диаспор, исторически сложившихся в различных странах.

Принципиальное отличие третьей волны эмиграции от всех предыдущих (если брать за точку отсчета 1917-й год) состояло в том, что она была продиктована ростом национального самосознания и стремлением советских евреев узнать обо всех аспектах национальной жизни.³⁹ Следует оговориться, что это относилось не только к евреям, но и к упомянутым выше немцам и армянам, также совершавшим переселение из России / СССР в другие страны на протяжении длительного времени. Однако именно у евреев стремление жить на своей исторической родине сопровождалось открытой борьбой за свои права, несопоставимой по накалу с настроениями, присущими представителям других национальностей и культур.

Если первая и вторая волны эмиграции из Советской России и СССР пришлись на годы гражданской и Второй мировой войн, когда люди зачастую оказывались между жизнью и смертью, то третья волна возникла и развивалась в принципиально иное время. Формально люди уже не находились в условиях социально-политических катаклизмов. Развитие третьей эмиграции было предопределено не ужесточением режима, а преимущественно международной обстановкой и, в частности, взаимоотношениями СССР и США. Американцы требовали от Советского Союза соблюдения прав человека (в том числе права на выбор страны проживания) в обмен на предоставление преференций во внешнеторговой сфере. Такая постановка вопроса позволила сотням тысяч людей эмигрировать из Советского Союза. Основной причиной отъездов стало стремление этих людей избавиться себя и родных от проявлений антисеми-

---

³⁹ Фридгут Т. Указ. соч. С. 69.

тизма, присущего советскому обществу, беспокойство за судьбы своих детей и т. д.⁴⁰. Вместе с тем сами активисты движения за выезд в Израиль подчеркивали, что его возникновение связано с ценностными установками, органически присущими еврейскому народу. Пожалуй, наиболее ярко эти настроения выразил известный диссидент советского времени Натан Щаранский, писавший, что «наш личный исход из тьмы коммунистического тоталитаризма к свету еврейского государства – это современный пересказ истории многовековой борьбы нашего народа за победу над тиранией и обретение свободы».⁴¹

Эмиграция и репатриация евреев из СССР не стали социальными феноменами исключительно 1960-1970-х гг., они получили развитие задолго до этого. Восточноевропейские евреи (ашкеназы⁴²), будучи субэтнической группой евреев, сформировавшейся в Центральной и Восточной Европе еще в XIV в. и изначально говорившей на идише, сыграли значимую роль как в формировании «еврейского очага» в Палестине, так и в последующем создании государства Израиль. Российские евреи всегда были неотъемлемой частью этой группы.

Как известно, многочисленные еврейские общины появились в Российской империи во второй половине XVIII в., после раздела Польши. Современные историки призывают весьма взвешенно подходить к вопросу о положении евреев в дореволюционной России. Так, один из крупнейших специалистов по данной проблеме, И. Барталь, прямо призывает «бросить вызов коллективной памяти евреев» как весьма устойчивому понятию, используемому в исследованиях. Он критически относится к этой памяти, считая ее ничем иным, как «смесью устаревших идеологий, литературных дискуссий и поверхностных образчиков фольклора». «Еврейская память Восточной Европы, – пишет И. Барталь, – это не одномерная коллективная память, а конгломерат множества памятей».⁴³ Такие суждения позволяют еще раз задуматься о том, что формирование еврейской идентичности, в том числе в России, представляет собой многомерное явление, предопределившее развитие самых различных идей, традиций и обычаев, которые оказались присущими самосознанию народа.

Государственная политика Российской империи в «еврейском вопросе» пережила разные периоды и отнюдь не сводилась лишь к дискриминации. В конце XVIII – первой четверти XIX вв. российские евреи пользовались достаточно широким набором прав (избирать в органы городского самоуправления, иметь особые раввинские суды, собирать общинные налоги и др.). Даже эпоха Николая I, вошедшая в историю России как период контрреформ, затронувших и национальную политику, оставила после себя государственную систему еврейских школ. Подчеркивая значение этой системы, Дж. Клиер указывал: «Едва ли можно найти светского еврейского интеллектуала или общественного лидера второй половины XIX в., который не был бы связан с системой государственных еврейских школ».⁴⁴

Период царствования Александра II, как известно, был ознаменован развитием либерально-ориентированной традиции, время от времени возрождавшейся в России и определявшей формирование духовных и политических свобод по сравнению с «обычным» временем.⁴⁵ Классик истории российского еврейства С. М. Дубнов отмечал в связи с этим на то, что россий-

⁴⁰ См.: *Кестлер А.* Иуда на перепутьи // *Время и мы.* Тель-Авив. 1978. №33. С. 97—130; *Вайль П., Генис А.* Потерянный рай. Эмиграция: попытка автопортрета. Москва-Иерусалим. 1983; *Глэд Д.* Беседы в изгнании. Русское литературное зарубежье. М., 1991.

⁴¹ *Щаранский Н.* Введение // *Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989.* Тель-Авив, 2007. С. 155.

⁴² Считается, что этот термин происходит от слова «Ашкеназ» – семитского названия средневековой Германии, воспринимавшейся как место расселения потомков Аскеназа, внука Иафета.

⁴³ *Барталь И.* От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772—1881 гг. Иерусалим; М., 2007. С. 19—20.

⁴⁴ *Клиер Дж.* Россия собирает своих евреев (происхождение еврейского вопроса в России: 1772—1825, <https://www.litmir.me/br/?b=48309&p=1>

⁴⁵ *Стровский Д. Л.* Отечественные политические традиции в журналистике советского периода. Екатеринбург, 2001. С. 62—71.

ская власть в середине XIX в. в определенной степени «облегчила немного и тяжелую участь евреев». «Не вступая на путь коренных преобразований, – писал он, – правительство нашло необходимым постепенно отменять наиболее тяжелые правовые ограничения». ⁴⁶

Это предопределило активное развитие в России Гаскалы (Хаскалы или, в переводе на русский язык, Еврейского Просвещения). Само понятие означало стремление европейских образованных иудеев, начиная с первой половины XVIII в., приобщить себя и все еврейское население к ценностям западноевропейской культуры. Либерализация общественной жизни в России в середине XIX в. дала возможность включить в программу хедеров (еврейских школ) светские дисциплины и обозначила стремление части иудеев к тому, чтобы их дети овладевали общими знаниями. ⁴⁷

Представители российского еврейства стремились занять полноценное место в культурной и образовательной жизни страны. Среди них был, в частности, А. Пумпянский, издававший в Риге журнал «Еврейские записки». ⁴⁸ Периодика, акцентирующая внимание на еврейской теме, была во второй половине XIX в. распространенным явлением в России. Можно вспомнить такие издания, как «Рассвет», «Сион», «День», «Восход» и др., выходившие в Одессе и Петербурге. Их существование подтверждало стремление многих представителей еврейского сообщества позиционировать свои интересы в русскоязычной среде. Большую популярность в ту пору получил писатель Соломон Рабинович, куда более известный читательской публике как Шолом-Алейхем. И хотя все созданное им поначалу вышло на идише, многое было переведено на русский язык и получило доступ к российскому читателю. Во второй половине XIX в. в России были известны и такие авторы, как Осип Рабинович и Илья Оршанский, изображавшие в своих рассказах и публицистических статьях на русском языке тогдашнюю жизнь евреев и отстаивавшие идеи их равноправия в российском обществе, недопустимости развития антисемитских настроений.

Именно в культурно-политических условиях второй половины XIX в. шло активное формирование еврейской интеллигенции, сложившейся под влиянием русской культуры и различных политических течений. ⁴⁹

«Оттепель», однако, оказалась недолгой. Дискриминация еврейского населения отчетливо проявила себя в эпоху правления Александра III (1881—1894). Поначалу, правда, ничего не предвещало ее развития. В начале 1883 г. была учреждена Верховная комиссия по пересмотру законов о евреях под председательством графа К. И. Палена. В последующие несколько лет она собирала материалы и заслушивала показания экспертов, и, в конце концов, пришла к заключению о необходимости постепенного расширения прав евреев с целью приравнивания их к другим жителям государства. Однако царь отклонил это предложение и за ненадобностью попросту распустил комиссию. ⁵⁰

Вся политика в отношении евреев в России того времени пошла по знакомому сценарию. Это выразилось в их исключении из местного сельского управления, в закрытии единственного в империи ремесленного училища для евреев и многих других мерах. Тогда же, в 1883 г., была установлена пятипроцентная норма для евреев в Горном институте в Петербурге; в 1884 г. – в Институте инженеров путей сообщения, а потом и в других вузах. Власти отказались от политики ассимиляции евреев при помощи русской школы. В 1883 г. одесский генерал-губерна-

⁴⁶ Дубнов С. М. Краткая история евреев. Ростов-на-Дону, 1997. С. 567.

⁴⁷ Хаскала / Электронная еврейская энциклопедия, <https://eleven.co.il/jewish-history/haskalah/11073/>

⁴⁸ См.: Валдман Б. Из истории русско-еврейской журналистики: Арон Пумпянский – издатель «Еврейских записок» в Риге // Евреи в меняющемся мире. Мат-лы 4-й междунар. конф. Рига, 2002. С. 193.

⁴⁹ Систер Ю., Гендлер Б. Возрождение // Израиль: русские корни. Иерусалим, 2011. С. 27.

⁵⁰ Очерки по истории еврейского народа. Под ред. проф. С. Эттингера. Тель-Авив, 1972, https://www.bookol.ru/nauka_obrazovanie/istoriya/3657/fulltext.htm

тор И. В. Гурко в докладе царю предложил сократить долю евреев в гимназиях до 15 проц. от общего числа учеников. Александр III написал на докладе: «Я разделяю это убеждение».⁵¹

Именно с этим временем связано такое явление, как погромы, которые были широко распространены в России. «Погромы лишили надежды даже многих евреев-социалистов, полагавших до той поры, что революция, которая уничтожит самодержавие и освободит русский народ, принесет равенство и евреям. Теперь они убедились: народ ненавидит евреев и виновен в их трагедии не меньше, чем власти».⁵² Участившиеся в то время погромы, в свою очередь, послужили толчком к формированию сионистских организаций в России и формированию политической активности евреев.⁵³

Вместе с тем, как отмечает И. Барталь, многие исследователи восточноевропейского еврейства не видели связи погромов с процессами модернизации в еврейской общине. «Даже после погромов 1881—1882 гг. некоторые слои еврейского общества все еще пытались найти пути интеграции в культуру империи», – пишет он, считая, что решающим фактором в «глубоком потрясении, постигшем еврейское общество», стал все-таки «распад феодальной системы», который предшествовал погромам.⁵⁴ В свою очередь германский историк Х.—Д. Леве подчеркивает, что правительство Александра III не потворствовало погромам 1881—1884 гг.⁵⁵

Так или иначе, но погромы во многом предопределили судьбу восточноевропейского еврейства. Желание евреев выйти из того состояния духа и быта, в котором они жили веками, значительно усилилось. И хотя их массовая эмиграция из Восточной Европы на Запад началась еще в 1870-е гг. из-за голода, впоследствии она стала прочно ассоциироваться именно с новой волной антисемитизма.⁵⁶ Погромы действительно продолжались на протяжении всех 1880-х гг. В это время «русская почва оказалась еще более благодатной для [становления] рассадников юдофобии и человеконенавистничества», – писал Мозес Шалит.⁵⁷

Вместе с тем и другие факторы – наличие «черты оседлости» и квоты, касавшиеся поступления евреев в вузы, – болезненно воспринимались еврейским населением империи и способствовали его массовому отъезду с мест проживания. В 1888—1914 гг. около 4 млн. чел. всех национальностей покинули Россию⁵⁸, и общее число евреев в этой волне оказалось весьма велико – 2 млн. чел.⁵⁹ Правда, в Палестину прибыли тогда лишь немногие от общего числа эмигрантов – лишь несколько десятков тысяч⁶⁰, в то время, как значительно большее число людей отправились в США и европейские страны. Вместе с тем погромы способствовали

⁵¹ Россия. Евреи России в конце 19 в. – начале 20 в. (1881—1917). Электронная еврейская энциклопедия. <https://eleven.co.il/jews-of-russia/general/15442/#01>

⁵² История еврейского национального движения. 1870—1914 / Под ред. М. Циммермана. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1993. С. 35.

⁵³ См.: Симонова А. «Русские» сионисты во всемирном сионистском движении // *Judaica Rossica*. М., 2001. Вып. 1. С. 61.

⁵⁴ Барталь И. От общины к нации: евреи Восточной Европы в 1772—1881 гг. Иерусалим; М.: Гешарим; Мосты культуры, 2007. С. 12.

⁵⁵ См.: Леве Х.-Д. От «исправления» к дискриминации: новые тенденции в государственной политике по отношению к евреям (1881—1914) // История еврейского народа в России. Т. 2. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772—1917. С. 42.

⁵⁶ Барталь И. Указ. соч. С. 12.

⁵⁷ Шалит М. Билуццы: Страница из истории национального пробуждения. Вильно, 1906. С. 4.

⁵⁸ Макаренкова Е. М. К вопросу о феномене русской эмиграции (XIX – XX вв.) // Роль Русского зарубежья в сохранении и развитии отечественной культуры. Науч. конф. Москва, 13—15 апреля 1993.: Тезисы докладов. М., 1993. С. 14. О дореволюционной российской эмиграции см. также: Тудоряну Н. Л. Очерки российской трудовой эмиграции периода империализма. Кишинев, 1986.

⁵⁹ Ильина О. А. Еврейская эмиграция из Российской империи в Палестину, 1880—1904 гг.: идеология, практика, мифология. Дисс... канд. ист. наук. М., 2009, <https://www.disscat.com/content/evreiskaya-emigratsiya-iz-rossiiskoi-imperii-v-palestinu-1880-1904-gg-ideologiya-praktika-mi>

⁶⁰ Отмечается, что число репатриантов из России составило 55 тыс. чел. См.: *Encyclopaedia Judaica*. 1971. Vol. 8. – Col. 729—730.

не только отъезду евреев с насиженных мест, но и возникновению и развитию устойчивого сионистского движения в России (деятельность «Хиббат-Цион», Одесского комитета, съезды и конференции российских сионистов и др.)⁶¹

Эпоха революционных потрясений в России в начале 1900-х гг. сопровождалась новой чередой зверских по жестокости погромов, и в их организации значительную роль сыграли правые экстремисты – черносотенцы.⁶² Это привело к дальнейшему развитию сионистских настроений в самой Российской империи. Именно в этот период здесь возникли организации сионистов-социалистов (позднее объединившиеся в Еврейскую социал-демократическую рабочую партию «Поалей-Цион»), которые поддерживали проекты возрождения еврейского государства в Палестине.⁶³ Именно поэтому левые идеи были весьма популярны в израильском обществе и в первые десятилетия его существования. Достаточно вспомнить влиятельную Рабочую партию Израиля (Мапай)⁶⁴ и другие подобные ей структуры.

В свою очередь, в годы гражданской войны (1918—1922) евреев толкали к отъезду за рубеж голод и все те же бесчинства, проявляемые по отношению к ним со стороны белых, красных и националистов на территориях бывшей Российской империи (прежде всего, на Украине). При этом многие погромы носили стихийный характер, в них активно участвовали социальные низы российского общества. «Мало того, что евреев убивали и грабили деникинцы и бандиты, мирное население тоже не оставалось в стороне, – отмечает Я. Мартынова. – Евреев обвиняли в спекуляции, называли врагами Христовыми, осквернителями, отравителями и т. д.» Главным, как считали преимущественно крестьяне, был пункт, что все коммунисты – это непременно евреи, которые стремятся захватить власть, чтобы уничтожить христианское население. «Еврейское население поэтому постоянно находилось в ожидании погромов».⁶⁵ В свою очередь А. Замойский утверждает, что погромы периода гражданской войны обернулись для еврейского населения Белоруссии «катастрофой». По неполным данным, они прошли здесь в 177 населенных пунктах.⁶⁶

Все это, безусловно, повлияло на то, что из двух с лишним миллионов людей, покинувших Россию в первые постреволюционные годы, около 200 тысяч были евреями.⁶⁷ Это намного превышает тогдашнее соотношение между основными национальностями и евреями, представленными в России того времени.⁶⁸ Судьбы евреев-эмигрантов из России сложились по-разному. Многие из них осели в европейских странах. Так, еврейская интеллигенция внесла

⁶¹ См.: Гольдштейн Й. Развитие сионистского движения в России в 1881—1917 гг. // История еврейского народа в России. Т. 2. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772—1917. С. 289—319.

⁶² См. о них: Степанов С. А. Черная сотня в России (1905—1914). М., 1992; Нарский И. В. «Революционеры справа»: черносотенцы на Урале. Материалы к исследованию «русскости». Екатеринбург, 1994 и др. Реакцией на эти погромы становились экстремистские проявления в деятельности еврейских политических партий, прежде всего, Бунда (См.: Червякова М. М. О противоречиях Бунда // История национальных политических партий России. М., 1997. С. 108—119 и др.).

⁶³ См.: Кривенький В. «Поалей-Цион» // Политические партии России. Конец XIX – начало XX вв. Энциклопедия. М., 1996. С. 461.

⁶⁴ См.: Френкель Й. Еврейский социализм и Бунд в России // История еврейского народа в России. Т. 2. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772—1917. С. 320.

⁶⁵ Мартынова Я. Деятельность Комитета помощи пострадавшим от погромов при Российском обществе Красного Креста // Judaica Rossica. Вып. 1. С. 81.

⁶⁶ См.: Замойский А. Трансформация местечка в советских условиях в 20-х – начале 30-х гг. (на примере местечек Восточной Белоруссии) // Евреи в меняющемся мире. Мат-лы 4-й межд. конф. Рига, 2002. С. 313.

⁶⁷ Электронная еврейская энциклопедия: Советский Союз. Этническая демография советского еврейства, <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15423/>. Ссылаясь на эти цифры, следует признать, что они и сегодня представляются достаточно условными, что вызвано изначальной недостоверностью сведений. Впрочем, те же 200 тыс. еврейских эмигрантов из России фиксируются и в другом исследовании: Davis M. Jews and Booze: Becoming American in the Age of Prohibition (Goldstein-Goren Series in American Jewish History) NYU Press, 2012.

⁶⁸ Из 178,1 млн. чел. российского населения в целом (по переписи 1914 г.) евреи составляли лишь 4,2 проц., что с очевидностью подтверждает их более высокую мобильность в ходе эмиграции. См.: Россия в начале 20 века, <https://istoriarusi.ru/imper/rossiya-v-nachake-20-veka.html#upravlenie>

немалый вклад в возникновение феномена знаменитого Русского Парижа 1920-х – 1930-х гг.⁶⁹ Существенное влияние она оказала на развитие культурной жизни Чехословакии, Германии и других стран.⁷⁰ Некоторые представители бывшего российского еврейства со временем перебрались в США. С середины 1930-х гг. этот процесс стал еще заметнее, что было связано с упрочением в Германии нацизма.⁷¹ Вместе с тем немало евреев уже в первой половине 1920-х гг. уехали в Палестину, положив начало репатриации, получившей активное развитие во второй половине 1960-х гг.

Процесс отъезда евреев из СССР советское руководство пыталось использовать в своих политических целях.⁷² «Эмиграция из СССР никогда не была свободной, но иногда выборочно разрешалась из прагматических соображений», – характеризовал эту ситуацию преподаватель Еврейского университета в Иерусалиме М. Бейзер.⁷³

Присутствие в Палестине русскоязычного населения всегда разыгрывалось Советским Союзом в качестве «козырной карты» – в ходе проведения его ближневосточной политики. Именно компартия Израиля (КПИ) оказалась наиболее близкой СССР в идеологическом отношении. Заметим, что она была создана в марте 1919 г. как Социалистическая рабочая партия и стала членом Коминтерна с 1924 г. Однако симпатии руководства СССР к арабским националистам ослабляли позиции коммунистов в израильском обществе, вели к череде расколов внутри КПИ. Поэтому советские лидеры (и в первую очередь И. В. Сталин) рассчитывали на то, что изначальная духовная и политическая связь теоретиков сионизма З. Жаботинского, Б. Борохова и ряда других, а также первых руководителей Израиля Д. Бен-Гуриона, Я. Чертока и Г. Меир с дореволюционной Россией поможет укрепить в Палестине советские внешнеполитические интересы. Посредством этого Кремль стремился создать на этой территории плацдарм и для реализации своих экономических интересов. Однако этого не случилось ни до появления Израиля (1948), ни позже.

За период 1923—1937 гг. из СССР эмигрировало около 70 тыс. евреев, в том числе 32 тыс. в США и около 25 тыс. в Палестину.⁷⁴ Основное число таких отъездов пришлось на 1920-е гг., когда в СССР осуществлялась новая экономическая политика (НЭП), и его границы еще не были окончательно закрыты. В 1920-е гг. в СССР даже существовали левое крыло «Поалей-Цион» и «Гехалуц» – организаций, ратовавших за еврейское переселение в Эрец Исраэль, деятельность которых допускалась властями. Однако к концу 1920-х гг. и они были ликвидированы.

По мере ужесточения внутренней политики процессы эмиграции и репатриации сталкивались со все большими препятствиями. Представители подпольного «Гехалуца», действовавшего до 1934 г., занимались «контрабандной отправкой» членов своей организации в Палестину,⁷⁵ но даже при этом евреям приходилось в буквальном смысле вырываться из СССР. Если

⁶⁹ См. об этом: Евреи России – иммигранты Франции / Под ред. В. Московича, В. Хазана и С. Брейар. Иерусалим – М., 2000.

⁷⁰ См.: Евреи в культуре Русского зарубежья: Сб. статей, публикаций, мемуаров и эссе / Сост. М. Пархомовский. Вып. 1. 1919—1939. Иерусалим, 1992; Вып. 2. 1919—1939. Иерусалим, 1993. Вып. 3. 1939—1960. Иерусалим, 1994.

⁷¹ См.: Русские евреи в Америке / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто-Санкт-Петербург, 2005—2015. Кн. 1—11.

⁷² Аганов М. Г. Истоки советско-израильских отношений: «Еврейский национальный очаг» в политике СССР в 1920-1930-е гг. Тюмень, 2011.

⁷³ Бейзер М. Евреи борьбы // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 140.

⁷⁴ Советский Союз. Этническая демография советского еврейства / Электронная еврейская энциклопедия. <https://eleven.co.il/jews-of-russia/history-in-ussr/15423/>

⁷⁵ См.: Шехтман Дж. Советская Россия, сионизм и Израиль // Евреи в Советской России (1917—1967). [Иерусалим], 1975. С. 86.

в 1925—1926 гг. в Палестину уехало более 21 тыс. чел., то за 1927—1930 гг. – лишь немногим более 1 тыс. В 1931—1936 гг. эта цифра составила в общей сложности примерно 1800 чел.⁷⁶

В условиях массовых репрессий евреям иногда удавалось добиться права уехать в Палестину вместо ожидаемой ссылки. Как отмечает активист сионистского движения в Советской России Дж. Шехтман, чаще всего разрешение на это выдавалось благодаря личному ходатайству известного пианиста профессора Давида Шора, неоднократно игравшего в Кремле для членов Совнаркома.⁷⁷

Практически полностью отъезд евреев прекратился в конце 1930-х гг., когда усилиями Кремля был окончательно возведен «железный занавес» между СССР и всем остальным миром. Возможность смены страны проживания как для евреев, так и для представителей всех остальных национальностей, живших на территории СССР, отныне полностью исключалась.

Вместе с тем исследователи подчеркивают противоречивый характер советской национальной политики 1920-1940-х гг., в том числе и в отношении евреев. Были периоды, когда сталинское руководство пыталось использовать «еврейский фактор» в своих политических целях, допуская появление идеологически окрашенной печатной продукции на идише.⁷⁸ Именно этот язык занимал центральное место в жизни советского еврейства. Что же касается иврита, то он был запрещен в СССР. Как справедливо указывал израильский писатель и одновременно научный сотрудник Тель-Авивского университета И. Гильбоа, уже в первые годы после революции этот язык рассматривался исключительно как «язык раввинов и клерикальной реакции, как орудие сионизма – прислужника британского империализма».⁷⁹

По мнению преподавателя еврейской истории университетского колледжа Лондона Ш. Абрамского, весьма противоречивым был и Биробиджанский проект, нацеленный на переселение евреев на Дальний Восток и создание там полноценного места их проживания. К концу 1930-х гг. затея завершилась полным провалом: евреи не хотели селиться на другом конце страны. По данным переписи 1959 г., только 8,88% населения Еврейской автономной области принадлежали к титульной нации.⁸⁰

Антисемитские тенденции были заметны в этот период в общественной жизни и государственной политике не только Советского Союза, но и других стран (в том числе тех, которые позднее были присоединены к СССР). Так, латвийский исследователь Л. Дрибинс показывает, что данная проблема существовала и в независимой Латвии.⁸¹ После присоединения Латвии к СССР некоторые еврейские общественные деятели стали жертвами сталинских репрессий.⁸² Этот процесс продолжился и после Второй мировой войны.⁸³

Переломным моментом в истории еврейского народа стало образование государства Израиль (1948). Это оказалось отправной точкой для начала периода массовой алии: только за первые три года в страну прибыло со всего мира около 690 тыс. человек.⁸⁴ К слову, СССР

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ Там же. С. 87.

⁷⁸ См.: Сорокина А. Советские газеты для детей на языке идиш // *Judaica Rossica*. Вып. 1. С. 136—143.

⁷⁹ Гильбоа И. Литература на иврите в Советском Союзе // *Евреи в Советской России (1917—1967)*. [Иерусалим], 1975. С. 251.

⁸⁰ См.: Абрамский Ш. Биробиджанский проект, 1927—1959 гг. // *Евреи в Советской России (1917—1967)*. [Иерусалим], 1975. С. 120.

⁸¹ См.: Дрибинс Л. Проблема антисемитизма в Латвии во время парламентского строя (1920—1934) // *Евреи в меняющемся мире*. Мат-лы 4-й междунар. конф. Рига, 2002. С. 287—292.

⁸² См.: Жвицкис А. Судьба евреев-государственных деятелей Латвии во время Второй мировой войны // *Евреи в меняющемся мире*. Мат-лы 4-й междунар. конф. Рига, 2002. С. 321—330.

⁸³ См.: Шнейдере И. Преследования переживших Холокост евреев Латвии после Второй мировой войны // *Евреи в меняющемся мире*. Мат-лы 4-й междунар. конф. Рига, 2002. С. 408—417.

⁸⁴ См.: Энох Я. Репатриация и абсорбция: социологический анализ // *Становление израильской демократии. Первое десятилетие*. Тель-Авив, 2001. Кн. 1. С. 146.

стал первой страной, признавшей на дипломатическом уровне рождение нового государства. Однако быстро обозначившееся стремление Израиля быть ближе к США и другим западным странам привело к тому, что уже во второй половине 1949 г. СССР прекратил с Израилем все торговые отношения, а спустя четыре года и дипломатические.⁸⁵

Как отмечал М. Бейзер, создание государства Израиль вызвало в еврейской среде «бурю энтузиазма». Недавние участники Великой Отечественной войны обращались в органы власти и в Еврейский антифашистский комитет с просьбой отправить их добровольцами для защиты молодого еврейского государства. Предпринимались попытки сбора средств в помощь Израилю.⁸⁶ Многие поверили, что теперь им разрешат репатриацию. Но у И. В. Сталина были иные планы. Он отчетливо понимал, что массовая репатриация будет свидетельствовать о разочаровании советских евреев жизнью в СССР, что противоречило активно создаваемым здесь представлениям об облике страны-победителя фашизма. В результате надежды тогдашних советских евреев на репатриацию так и не сбылись.

Более того, рубеж 1940-1950-х гг. вошел в историю как период новой волны репрессий, в значительной степени затронувшей именно евреев.⁸⁷ Отмечая, что евреи не были единственным народом, права которого были урезаны при Сталине, публицист Р. Эйнштейн подчеркивал: «...В отличие от других национальностей, которые пострадали в этот период, права советских евреев были еще более ущемлены благодаря тому, что Сталин воспользовался традиционными антисемитскими предрассудками».⁸⁸

Вопрос о том, был ли И. В. Сталин антисемитом, на протяжении уже многих лет затрагивается в научных и публицистических работах.⁸⁹ Сам он, естественно, отрицательным образом отвечал на этот вопрос.⁹⁰ Очевидно, однако, что решение «еврейского вопроса» в стране всякий раз ставилось Сталиным в зависимость от его личных целей и государственных интересов – ровно в той степени, разумеется, как он их понимал. Это определило и поддержку Сталиным идеи создания государства Израиль, и репрессии по отношению к деятелям еврейской культуры. Последняя тенденция ярко проявилась в конце 1940-х – начале 1950-х гг., в период борьбы с «безродным космополитизмом». Обозначенная тема выходит за рамки нашего исследования, но именно тогда в Советском Союзе было покончено с еврейской сценической культурой: закрыты Московский государственный еврейский театр (ГОСЕТ), Белорусский, Украинский и Биробиджанский еврейские театры. В последние годы правления Сталина было арестовано и большинство еврейских писателей, живших в СССР.⁹¹

Проблема положения советских евреев привлекла внимание Израиля. Уже в первые годы его существования в стране были созданы специальные организации (в частности, «Натив»), которые устанавливали связи с евреями в СССР. Впоследствии внутри «Натива» появилось

---

⁸⁵ История дипломатических отношений между Израилем и СССР, РИА Новости, 18.10.2016, <https://ria.ru/20161018/1479400046.html>

⁸⁶ Бейзер М. Евреи борьбы // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 126.

⁸⁷ См. напр.: «Мы, религиозные евреи, каждый день должны ожидать ареста...» Политика советской власти в отношении иудаизма в Западной Белоруссии сквозь призму одного документа. Публ. Е. С. Розенблата // Архив еврейской истории / Под ред. О. В. Будницкого. М., 2004. С. 377—388; Сестра ответила за брата. «Дело» Марии Вейцман 1953 года. Публ. Г. В. Костырченко // Архив еврейской истории. Т. 1. С. 388—435.

⁸⁸ Эйнштейн Р. Советское еврейство во Второй мировой войне // Евреи в Советской России (1917—1967). Иерусалим, 1975. С. 9.

⁸⁹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – СПб., 1992; Солженицын А. И. Двести лет вместе Ч. II. М., 2002; Ваксберг А. И. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. М., 2003; Костырченко Г. В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм – М., 2003; Медведев Ж. А. Сталин и еврейская проблема: Новый анализ. М., 2004; Гарин И. Антисемитизм Сталина // Проза.ru. <https://proza.ru/2018/05/14/887>

⁹⁰ Сталин И. В. Об антисемитизме: ответ на запрос Еврейского телеграфного агентства из Америки (1931). Собр. соч. в 16 тт. Т. 13, <http://www.hrono.ru/libris/stalin/13-21.html>

⁹¹ См.: Шмерук Х. Литература на идиш в Советском Союзе // Евреи в Советской России (1917—1967). Б.м., 1975. С. 239.

агентство «Бар», отвечавшее за информационную деятельность за пределами Израиля. Оно, в частности, размещало в западной печати статьи о положении советских евреев. Как указывает известный израильский историк Я. Рои, уже практически с первых дней своего существования и в дальнейшем, в ходе дипломатических контактов с Советским Союзом, Израиль «при каждом удобном случае настаивал на предоставлении советским евреям права на репатриацию».⁹²

После смерти И. В. Сталина процесс отъезда евреев из СССР все-таки начался: в 1954 г. уехало 53 чел., год спустя 106 чел., в 1956 г. – 753 чел.⁹³ В данном случае, как уже отмечалось, следует говорить о репатриации, а не эмиграции, поскольку конечным пунктом путешествия этих людей был Израиль. Масштабы происходящего были незначительными: общее число уехавших в 1955—1967 гг. составило чуть более 12 тысяч чел.⁹⁴ Практически все репатрианты (в основном пожилые люди) имели родственников на Земле обетованной, что и определило возможность получения ими разрешения на отъезд из СССР. Многие из них длительное время готовились к перемене страны: изучали иврит, историю иудаизма (как правило, скрытно, в подпольных условиях). Это в дальнейшем позволило им более или менее успешно абсорбироваться в Израиле.

Приезд израильской делегации на Московский фестиваль молодежи и студентов 1957 г. вызвал настоящий ажиотаж среди советских евреев. Многие искали личных встреч с израильтянами, говорили о своем желании репатрироваться.⁹⁵ Однако власть ответила на это новыми запретами, что во многом стало катализатором формирования во второй половине 1950-х гг. в СССР феномена еврейского самиздата. В 1960-е гг. в Ленинграде, Одессе, Риге стали возникать подпольные сионистские группы.

Вместе с тем процесс «еврейского возрождения» в СССР в условиях «оттепели» не следует преувеличивать. Далеко не все еврейские интеллектуалы интересовались темами, связанными со спецификой национальной культуры. Молодому поколению тогдашних советских нонконформистов еврейская тематика была тоже не очень близка. Так, художники обращали более пристальный взгляд не на Ближний Восток, а на Запад, исследуя, а то и заимствуя оттуда идеи и настроения первого русского авангарда, «тоже в значительной степени прозападного». Идея космополитизма превалировала у них над национальной идеей.⁹⁶

Несмотря на различные постановления, как будто бы призванные обеспечить право получения образования на родном языке, в СССР к этому времени уже отсутствовали школы с преподаванием идиша.⁹⁷ Запреты не ограничивались языком, но затрагивали все, что было связано с еврейской культурой. В СССР было крайне трудно формировать у подрастающего поколения еврейское самосознание, определяемое национальными традициями. Уже упомянутый нами Н. Щаранский, активный участник движения за выезд евреев на свою историческую родину, вспоминал впоследствии: «Я рос в коммунистической России, и история еврейского народа была мне почти неизвестна. Это было неслучайно: коммунистический режим десятилетиями вел войну против всевозможных форм еврейского самосознания».⁹⁸ Существовали и негласные нормы приема евреев в вузы и на работу.⁹⁹

⁹² См.: Рои Я. Все евреи в ответе друг за друга. Международная деятельность в защиту советского еврейства // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 104.

⁹³ См.: Бейзер М. Указ. соч. С. 138.

⁹⁴ Фридегут Т. Влияние иммигрантов из СССР/СНГ на израильскую идентичность // «Русское лицо Израиля: черты социального портрета. Сост. и ред. М. Кенигштейн. Иерусалим-Москва, 2007. С. 68.

⁹⁵ См.: Бейзер М. Указ. соч. С. 138.

⁹⁶ Генкина М. Еврейские художники в СССР. 1960-1970-е гг. // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 80.

⁹⁷ См.: Корей У. Правовое положение советского еврейства // Евреи в Советской России (1917—1967) / Пер. с англ. М., 1975. С. 46.

⁹⁸ Щаранский Н. Введение // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 155.

Всплеск национального самосознания советских евреев и последовавшие за этим их эмиграция и репатриация приходятся, как уже отмечалось, на вторую половину 1960-х – первую половину 1970-х гг. Это было связано с успехами Израиля в ходе Шестидневной войны 1967 г. и последовавшей за этим эпохой «разрядки» международных отношений.¹⁰⁰

Поражение в Шестидневной войне арабских стран (Египта, Иордании, Сирии и Ирака) разрушили упорно транслируемый советской пропагандой миф о том, что масштабная техническая и финансовая помощь со стороны СССР обеспечит им возможность покончить с Израилем «одним ударом». Этого не случилось. Израиль, будучи союзником США на Ближнем Востоке, стал после своей победы в войне еще большей «костью в горле» для тогдашнего СССР, что помешало полному упрочению советских политических интересов в регионе. Фактически эта ситуация продолжалась потом ни одно десятилетие.

Как отмечает британский историк М. Гилберт, в 1985—1986 гг. занимавший пост представителя советских евреев в Комиссии по правам человека в Женеве, в июне 1967 г. настроение еврейского населения СССР стремительно перешло из фазы отчаяния в состояние эйфории. Сначала советские евреи были «травмированы» угрозой, нависшей над Израилем (тем более, что советские СМИ чуть ли не каждодневно трубили о его неминуемом поражении). Но очень скоро к евреям прорвалась весть о том, что Израиль «не только уцелел, но и нанес сокрушительный удар своим врагам». В результате «за всплеском ужаса последовал всплеск гордости».¹⁰¹

Те шесть июньских дней показали полное несоответствие арабских притязаний уровню ведения современной войны. Несостоятельной оказалась и советская идеологическая кампания, предрекавшая безоговорочный триумф арабов.¹⁰² Военная победа укрепила в евреях чувство справедливости и гордости за свою историческую родину. Как отмечал Н. Щаранский, клич из Иерусалима о том, что «Храмовая гора в наших руках!», проник сквозь «железный занавес» и установил почти мистическую связь Израиля с советскими евреями.¹⁰³

Желание многих евреев покинуть Советский Союз лишь подтвердило эти настроения.¹⁰⁴ Активисты движения заявляли о своем желании совершить такой шаг ввиду частых проявлений антисемитизма, к распространению которого советская власть относилась весьма равнодушно. Именно эта идея главенствовала в содержании анонимной листовки «Почему я сионист?», появившейся в 1968 г. В ней отмечалось что сионистские идеи родились в силу неразрешенности базовой потребности еврейского народа – ощущать себя живущим на своей исторической родине.¹⁰⁵ Анонимность листовки была продиктована невозможностью для многих советских евреев свободно репатриироваться в Израиль.

После разгрома Израилем в 1967 г. армий арабских государств дипломатические связи между СССР и еврейским государством были разорваны на двадцать лет. Примечательно, однако, что уже в июне 1968 г. в ЦК КПСС поступило совместное письмо за подписями тогдашнего министра иностранных дел СССР А. А. Громыко и председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова.

⁹⁹ *Корей У.* Указ. соч. С. 54.

¹⁰⁰ *Морозов Б.* Еврейская эмиграция из СССР как фактор международных отношений // «Русское» лицо Израиля: Черты социального портрета. Иерусалим; М., 2007. С. 466.

¹⁰¹ *Гилберт М.* Вступление. Борьба советского еврейства и современная история евреев // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 146.

¹⁰² *Локишин А.* Шестидневная война и советская пропаганда // Лехаим. 2005. №7 (159), <https://www.lechaim.ru/ARHIV/159/zavesa.htm>.

¹⁰³ *Щаранский Н.* Введение // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 155.

¹⁰⁴ *Воронель А.* Шестидневная война – причина или предлог? // Лехаим, 2016 №11 (187), <https://lechaim.ru/ARHIV/187/vogone1.htm>.

¹⁰⁵ Архив научно-информационного и просветительского центра «Мемориал» (Архив НИПЦ «Мемориал»), ф. 158, АС №334, л. 1.

пова. В нем высказывалась необычайно революционная по тем временам идея: разрешить советским евреям уехать из страны.¹⁰⁶ Это было продиктовано не изменившимся восприятием «еврейского вопроса» со стороны руководства страны, но большим желанием Москвы создать экономические и торговые преференции в отношении между СССР и западным миром. С конца 1960-х гг. политика Советского Союза в отношении Израиля действительно смягчается.

В СССР поначалу рассчитывали, что число выезжающих будет ограниченным. В самом деле, в 1970 г. по израильским визам страну покинула лишь тысяча человек, однако в 1973 г. таких было уже свыше 34 тысяч, а до середины 1970-х репатриировалось около 100 тыс. чел.¹⁰⁷ Часть из них отправилась в Израиль, руководствуясь «духом крови» и сионистскими настроениями, другие приняли решение обосноваться в США. Хотя оба потока были едиными в своем стремлении уехать из СССР, они, как несложно предположить, существенно отличались друг от друга своим видением будущего.

При этом в кругах исповедующей сионистские идеи еврейской интеллигенции, продолжавшей оставаться в СССР, выявились две позиции по вопросу репатриации. Сторонниками первой были В. Престин, В. Файн, П. Абрамович и другие, которых называли «культурниками». По их мнению, чтобы направить основную массу евреев именно в Израиль, следовало «пробуждать национальное самосознание широких слоев ассимилированной интеллигенции», т.е. целенаправленно заниматься в своей стране распространением еврейской культуры и традиций. Их оппоненты (так называемые «политики») – В. Слепак, А. Лернер, Д. Бейлина и другие – призывали ограничиться только борьбой за выезд, а из всех форм культурной и просветительской работы признавали лишь преподавание иврита. Они были склонны считать, что легализация еврейской культуры в СССР «создаст иллюзию решения еврейского вопроса и отвлечет евреев от мысли о репатриации».¹⁰⁸

Настроения уезжавших претерпели существенные изменения уже в ходе развития третьего этапа советской алии. Поводом для этого стало нападение арабских террористов на поезд с советскими евреями в октябре 1973 г. Те следовали в Вену, ставшую перевалочным пунктом для отъезда в Израиль. Трагик естественным образом сказался на мироощущении многих репатриантов, до недавнего времени исповедовавших сионистские идеи. В этот период СССР покинуло более 210 тыс. чел., но в Израиле приземлилось лишь около 120 тысяч из общего числа.¹⁰⁹ Остальные отправились в другие страны.

Отмеченная ситуация существенно осложнила и отношения между Израилем и США. Как указывал Я. Рои, Израиль настаивал на том, чтобы советские евреи имели перед ним «моральные обязательства», поскольку разрешения на выезд давались только тем, кто указывал эту страну целью своего отъезда из СССР. Кроме того, израильские руководители отмечали, что для выживания еврейского государства необходим приток населения, и еврейский мир «должен поддерживать именно репатриацию».¹¹⁰

В последующие годы провозглашенная в Советском Союзе «разрешительная» политика в отношении евреев если и развивалась, то крайне ограниченными темпами. В 1974 г. страну покинуло уже менее 21 тысячи евреев и членов их семей. На протяжении нескольких после-

¹⁰⁶ *Энгель В. В.* Курс лекций по истории евреев в России. Евреи СССР в годы «застоя» (1967—1985 гг.), <http://jhistory.nfurman.com/russ/russ001-20.htm>.

¹⁰⁷ Исторический дискуссионный клуб. Эмиграция евреев из СССР, URL: <https://historicaldis.ru/blog/43076879108/> Emigratsiya-evreev-iz-SSSR

¹⁰⁸ *Бейзер М.* Указ. соч. С. 124.

¹⁰⁹ *Энгель В. В.* Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР / СНГ последней трети XX – начала XXI вв. (на примере Израиля, США и Германии) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941—2001. М.: Институт российской истории РАН, 2007. С. 174.

¹¹⁰ *Рои Я.* Все евреи в ответе друг за друга. Международная деятельность в защиту советского еврейства // Евреи борьбы. Еврейское национальное движение в Советском Союзе. 1967 – 1989. Тель-Авив, 2007. С. 94.

дующих лет выезжавших стало еще меньше – от 13 до 16 тыс. чел. в год. В 1978 г., в свою очередь, наблюдался новый рост числа отъезжающих, и в 1979 г. был отмечен пик еврейской эмиграции 1970-х: более 51 тыс. чел.¹¹¹

Победа на президентских выборах в США Р. Рейгана (1980), назвавшего СССР «империей зла», обострила советско-американские отношения. Это привело к ответной реакции советских властей, сразу же ограничивших выезд евреев из СССР. Число репатриантов снизилось практически до уровня середины 1960-х гг.

«Окно» окончательно закрылось в начале 1980-х гг. по причине ввода Советской Армии в Афганистан и высылки из Москвы в Горький (ныне Нижний Новгород) академика-диссидента А. Д. Сахарова. Одновременно руководство СССР все отчетливее ощущало политическое давление со стороны Запада и окончательно прекратило идти на компромисс с ним по «еврейскому вопросу». Он был признан «решенным». Одновременно власти прибегли к репрессивным мерам в отношении активистов, ратовавших за отъезд из страны. Если в 1979 г. выездные визы получили 51 333 чел., то в 1982 г. таковых оказалось лишь 2688 чел. По итогам 1983 г. число виз уменьшилось до 1315, а в 1984 г. их было выдано лишь 896.¹¹² Как однозначно констатировал в 1984 г. мюнхенский журнал «Страна и мир», «еврейская эмиграция из СССР прекратилась». Действительно, в октябре того же года из СССР в Вену приехало лишь 29 человек, в то время как в 1979 г. ежемесячное число репатриантов достигало 5 тысяч. Советская власть, по-видимому, сочла метод неэффективным для проведения своей политики. В результате участились аресты и допросы еврейских активистов, началось изъятие уже готовых документов из ОВИРа и т. д.¹¹³

Израиль быстро обратил внимание на эти факты и призвал мировое сообщество поддержать право советских евреев на репатриацию. Так, в 1980 г. на Мадридской конференции (где собрались представители стран, подписавших Хельсинкские соглашения 1975 г.) делегат Израиля выразил озабоченность резким уменьшением числа репатриантов из СССР. Он отметил также, что Израиль ожидал от европейских стран более «эффективных действий, которые подкрепили бы право человека на эмиграцию». Одновременно было высказано беспокойство, что многие советские евреи до сих пор не получили возможности соединиться со своими родственниками в Израиле.¹¹⁴

Лишь в годы перестройки, инициированной тогдашним генсеком КПСС М. С. Горбачевым, произошел новый всплеск еврейской эмиграции из СССР. Это было связано, во-первых, с введением «разрешительной» советской политики в отношении этого вопроса, а во-вторых, с усилением социально-политической напряженности в самой стране.¹¹⁵ Стремление к массовому отъезду за рубеж было продиктовано также обострением межнациональной конфликтности и опасностью возникновения еврейских погромов (о чем писала даже официальная советская пресса).¹¹⁶

В 1990-е гг., в условиях формирования новой российской государственности, этот процесс продолжился. Данный период формально выходит за рамки нашего исследования, однако стоит хотя бы кратко остановиться на нем.

---

¹¹¹ Тольц М. Постсоветские евреи в современном мире, <http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0303/tema01.php>

¹¹² Там же.

¹¹³ Страна и мир. Мюнхен, 1984. №11. С. 27.

¹¹⁴ См.: На Мадридской встрече прозвучали слова беспокойства за советских евреев // Евреи в пути. Еженедельный бюллетень для эмигрантов. Рим, 1980. №47. С. 4.

¹¹⁵ Публицист популярного в годы горбачевской перестройки журнала «Огонек» Ю. Гаврилов писал, что евреи, покидающие СССР, ставят страх перед погромами на первое место среди причин выезда. Они «гораздо чувствительнее других относятся к нынешнему параличу власти: опыт Украины и Белоруссии времен гражданской войны остался навечно в генетической памяти народа» (Гаврилов Ю. Трагедия ухода от Родины // Огонек. 1991. №25. С. 25).

¹¹⁶ Фишман А., Россоховатская Д. Еврейская жизнь, рожденная в СССР // Лехаим. 21.08. 2016, <https://lechaim.ru/academy/evrejskaya-zhizn-v-sssr/>.

Этот период характеризуется резким увеличением числа эмигрантов. За последнее десятилетие XX в. только в Израиль прибыло около миллиона выходцев из бывшего Советского Союза.¹¹⁷ Уже в первый год этого временного отрезка из СССР уехало 450 тыс. чел.¹¹⁸; из них более 185 тыс. отправились в Израиль,¹¹⁹ а остальные разъехались по другим странам. Значительное увеличение числа отъездов из СССР пришлось на последующие годы, когда буквально на глазах рассыпались его социально-политическая и экономическая системы, менялись духовные приоритеты общества. Одновременно в стране было принято новое эмиграционное законодательство, предусматривавшее, в частности, несравненно более свободный, чем прежде выезд россиян за границу, в том числе и на длительные сроки. Так, в статье 2 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (1996) отмечалось, что выезд гражданина РФ из страны не влечет для него, его супруга или близких родственников каких-либо ограничений прав, гарантированных законодательством и международными обязательствами страны.¹²⁰ Все это предопределило заметное усиление общих «отъездных настроений» среди российского населения.

Что же касается еврейской репатриации времени перестройки и первых постсоветских лет, то у нее была определенная специфика по сравнению с аналогичными процессами, проходившими прежде.

Во-первых, новая волна репатриации стала более разнообразной по своему качественному составу. Ее сионистские приоритеты все больше сходили на нет. Помимо евреев по крови, в Израиль активно поехали члены их семей, которые теперь уже далеко не всегда имели отношение к еврейству. Это многое меняло в повседневной жизни Израиля.

Если ранее репатриантов из СССР лишали советского гражданства, то позже это условие, как отмечалось выше, было аннулировано, что сделало процесс отъезда психологически более комфортным. Люди знали, что они теперь уже не теряют возможности вернуться обратно. Как охарактеризовал ситуацию один из старых репатриантов, «мы уезжали навсегда, а теперь уезжают посмотреть».¹²¹ В этом, конечно, есть толика преувеличения: большинство переезжавших в Израиль уже после снятия «железного занавеса» также не собиралось возвращаться назад. Вместе с тем некоторые представители новой алии воспринимали Израиль как временную остановку на пути следования в США и Канаду. Примечательно, что из 1,1 млн. чел., репатриировавшихся с января 1989 г. по июнь 2002 г. в Израиль, более 100 тыс. затем покинули страну (8,9% от числа всех приехавших). Правда, в это число вошли и те, кто вернулся обратно в Россию и другие страны бывшего СССР.¹²²

За последние годы соотношение между репатриантами и теми, кто по разным причинам покинули Израиль, осталось практически без изменений.¹²³ Это свидетельствует о специфич-

¹¹⁷ Как полагает И. В. Масюкова, репатриантам 1990-х гг. была присуща куда меньшая приверженность идеологии по сравнению со своими предшественниками. Они имели «четкий прагматичный подход, определявший причины и цели их переезда в Израиль» (Масюкова И. В. Социально-экономические проблемы адаптации русскоязычных иммигрантов в Израиле // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX – XX вв. М., 2001. С. 204).

¹¹⁸ Денисенко М. Эмиграция из России в страны дальнего зарубежья. URL: <http://www.demoscope.ru>

¹¹⁹ Толыц М. Постсоветская еврейская диаспора: новейшие оценки. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0497/tema01.php>.

¹²⁰ ФЗ 114: Федеральный закон №114 от 15.08.1996 г. «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (ред. от 31.12.2014, с изм. от 12.03.2015), <https://migrantmedia.ru/migracionnoe-zakonodatelstvo-rf/federalnyj-zakon-114-o-poryadke-vyezda-iz-rossijskoj-federacii-i-vezda-v-rossijskuyu-federaciju/>

¹²¹ Гомберг Л. Звезда и смерть «Большой алии» // Новое время. 1993. №52. С. 30.

¹²² Саноян Д., Эпштейн А. Эмиграция евреев из Израиля – антитеза сионистской идеологии. / Диаспоры, 2006, №1. С. 200–223, URL: <https://talgat-irisbaev.livejournal.com/3442.html>.

¹²³ Ханин З. Новые постсоветские репатрианты в Израиле: социально-демографический профиль, территориальное распределение и идентичность / IX Штерновские чтения: Новая постсоветская алия в Израиле: причины и мотивы, ценности и идентичность, URL: <http://madan.org.il/ru/news/novaya-postsovetskaya-aliya-v-izraile-prichiny-i-motivy-cennosti-i-identichnost>.

ности этого процесса, который теперь уже не определяется исключительно сионистскими интересами, но имеет в своей основе очень разные причины.

Во-вторых, репатриантов последней волны отличает большее материальное благополучие по сравнению с их предшественниками в 1960-1970-е гг. Если тогда многие приезжавшие имели очень скромные финансовые возможности¹²⁴, то уже к середине 1990-х гг. число обеспеченных репатриантов начинает возрастать. Доля лиц с высшим и средним специальным образованием оказалась в этой волне исключительно высока (65% в 1990—1991 гг.).¹²⁵

Нынешние российские репатрианты представляют собой очень неоднородную группу. Это люди самых разных возрастов и профессий. Приверженность сионизму перестала представлять для подавляющего большинства из них какую-то общественную ценность. Мотивы репатриации отличаются от исследуемых нами 1960-1970-х гг. и во многом связаны с желанием большей профессиональной и личной самореализации.¹²⁶ Вместе с тем на общем фоне стала заметной группа людей, которая репатрируется в Израиль по причине неприятия политики нынешнего российского руководства, невозможности ощутить себя психологически комфортно в этих условиях.

Таким образом, советская / российская алия в Израиль, чья история началась еще в XIX в., выглядит сложным и многослойным явлением. Вместе с тем нельзя не признать, что подавляющее число репатриантов обладало ярко выраженной активностью, повлиявшей и продолжающей влиять на всю социально-экономическую жизнь Израиля. Оказавшись в этой стране, они сумели продвинуть свои социальные, политические и духовные интересы, что способствовало развитию общего социально-культурного и духовного процессов в этой стране.

Как было показано выше, волна эмиграции и репатриации евреев из СССР с конца 1960-х и на протяжении всех 1970-х гг. имела принципиальные особенности, достойные того, чтобы посвятить ей самостоятельное исследование.

Важнейшее различие между этой и более ранними волнами еврейской эмиграции и репатриации заключалось не столько в количественных показателях процесса, сколько в качественном составе его участников, а также в мощном резонансе, который он получил в мировых СМИ. Эта волна, на фоне всех предыдущих, отличалась наиболее высоким образовательным и профессиональным уровнями. Как справедливо указывали А. Нов и Дж. Ньют, число евреев, известных в науке, искусстве, журналистике, медицине, а также в ряде областей техники и культуры было «непропорционально велико» по отношению ко всему еврейскому населению страны.¹²⁷

Вместе с тем в сознании многих из них жило ощущение несправедливости по отношению к себе, что сформировало в людях неприятие реальности в тогдашнем СССР. Некоторых можно было причислить к категории откровенных антисоветчиков, обсуждавших эти идеи на домашних кухнях. Часть активистов поддерживала сионизм, в основе которого лежала идея переселения евреев в Палестину и укрепления тем самым еврейского государства; другие стремились попросту покинуть СССР, не видя будущего для реализации личных способностей и возможностей для своих детей. Хотя обе группы уезжали по израильской визе и только по прилету в Вену окончательно определялись с дальнейшим маршрутом передвижения, мотивации их существенно отличались.

¹²⁴ Это объяснялось существенными ограничениями для репатриантов на вывоз валюты. Также от них требовалось официально отказаться от своего прежнего жилья в пользу советского государства.

¹²⁵ Государство Израиль. Алия // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://eleven.co.il/article/11732>.

¹²⁶ Подр. см.: Стровский Д. Л.; Антошин А. В. Советская алия как важнейшая тема русскоязычной периодики Израиля: на примере журналов «Время и мы» и «22» // Вестник Российского университета дружбы народов, Сер. История России. Т. 17 (2), 2018. С. 331—334.

¹²⁷ Нов А., Ньют Дж. Еврейское население СССР: демографическое развитие и профессиональная занятость // Евреи в Советской России (1917—1967). [Иерусалим], 1975. С. 184.

Другим феноменом эмиграции и репатриации того времени стало наличие большого числа «отказников» – тех, кому по разным причинам был запрещен выезд из СССР. Такие отказы, ставшие массовым явлением уже в 1970-е гг. (по некоторым подсчетам, число людей, ожидавших разрешения уехать, достигало 10 тыс. чел.),¹²⁸ могли длиться годами, что приводило к бедственному положению самих активистов, зачастую не имевших постоянной работы и заработка. В сознании большей части советского общества они воспринимались изгоями, не заслуживавшими какого-либо сострадания.

Опасаясь роста числа желающих покинуть страну, советские власти вели борьбу с ними как административными, так и пропагандистскими мерами. В ответ на это громко заявляло о себе движение за выезд евреев в Израиль, в котором участвовали не только сами евреи, но и лица других национальностей, критически настроенные по отношению к советскому режиму. Вместе с тем это движение вряд ли можно назвать диссидентским в традиционном смысле слова.

В 1960-е гг. диссидентами стали именовать всех представителей оппозиционного движения в СССР и странах Восточной Европы. Однако далеко не все они боролись против советского строя и марксистско-ленинской идеологии. Немало было тех, кто, ссылаясь на советские законы, требовал реализации на практике официально провозглашаемых ценностей.¹²⁹

Большинство советских евреев, ратовавших за выезд из СССР в Израиль, во-первых, воздерживалось от глобальных оценок политической системы, а во-вторых, не очень интересовалось идеологией. Они ставили перед собой более узкую задачу: добиться разрешения на выезд для себя и своих семей, товарищей по движению, что неминуемо отделяло их от всего диссидентского движения в Советском Союзе и странах «народной демократии». «Еврейское национальное движение, будучи по методам правозащитным, – петиции, открытые письма, демонстрации, голодовки – состояло в большинстве своем из людей, которые имели целью не оздоровление жизни в СССР, а выезд из него, – указывал А. И. Прищепа. – Цель участников еврейского движения – эмиграция, и это определяло их качественно иной психологический тип. Большинство подававших заявления на выезд было озабочено не гражданскими проблемами, а устройством своей жизни и жизни своих семей, искренним желанием избежать конфликтов с властью. В этом смысле участники эмиграционных движений не являлись диссидентами в том специфическом значении, какое этот термин получил в советских условиях».¹³⁰

Сказанное выше не означает отрицания взаимосвязи еврейского движения с диссидентами и правозащитниками. Тот же А. И. Прищепа подчеркивал, что вопрос о свободе страны проживания не следует подменять более частным вопросом – о еврейской эмиграции в Израиль. Такая подмена, по его словам, выхолащивает общественное и международное значение права на свободу отъезда вообще и возвращения людей на историческую родину в частности. «Корни явления, называемого „еврейским движением за выезд в Израиль“, не только национальные, а глубже и шире – социально-экономические и политические».¹³¹

Как полагает М. Бейзер, влияние диссидентского движения на сионистов особенно ощущалось в Москве, где многие активисты будущей репатриации «выросли» из этого круга людей, заимствуя у них методы борьбы.¹³² Именно московские сионисты были теснее всего связаны с правозащитниками.

---

¹²⁸ Кац Я. Борьба советских евреев за выезд, <http://www.israelworld.org/index.php/statyi/istoriya-evrejskogo-naroda/sozdanie-izrailya/item/borba-sovetskih-evreev-za-vyezd>.

¹²⁹ Ковалев С. А. Диссидент (Из рукописи). http://web.archive.org/web/20090223102447/http://www.hrighs.ru/text/b20/Chapter1_2.htm

¹³⁰ Прищепа А. И. Инакомыслие на Урале (середина 1940-х – середина 1980-х гг.). Сургут, 1998. С. 217—218.

¹³¹ Там же. С. 202.

¹³² Бейзер М. Указ. соч. С. 126.

Некоторые активисты движения за выезд евреев в Израиль действительно были видными диссидентами, связанными с иностранными журналистами и дипломатами. Это вспоминала американка Л. Пол, общавшаяся в начале 1980-х гг. с семьей Н. Меймана – известного «отказника», члена Московской Хельсинкской группы. Л. Пол оставила интересные мемуары, позволяющие представить общую обстановку того времени. В них она упоминала жену Н. Меймана, И. Китросскую, которая, ссылаясь на погромы начала XX в., подчеркивала, что евреям в СССР «всегда было нелегко».¹³³ Таким образом, в исторической памяти активистов еврейского движения 1970-х гг. значительную роль играли воспоминания о той дискриминации, с которой сталкивались представители их семей еще в Российской империи. Эти воспоминания накладывали отпечаток на всю систему их восприятия действительности, что, по существу, и предопределяло стремление этих людей к отъезду.

Желавшие уехать из СССР евреи становились заложниками тогдашней политической игры между СССР и США. Это выразилось, например, в развитии ситуации вокруг американского Закона о торговле (1974). Принятая к документу поправка ратовала за предоставление Советскому Союзу статуса наибольшего благоприятствования в этой сфере деятельности – при условии обеспечения советских евреев свободой выезда. Советское руководство пошло на сделку. Однако многие желающие выехать за пределы СССР продолжали испытывать моральный прессинг «сверху» – от представителей советских административных органов. Тем не менее, эпоха «разрядки» значительно расширила возможности Запада оказывать давление на советское руководство в «еврейском вопросе». В США возник Объединенный совет за права советских евреев, в Великобритании – организация «35» («Женщины за советских евреев») и т. д.

Многие из тех, кто покинули СССР в конце 1960-х – первой половине 1970-х гг., несли в сознании ярко выраженную сионистскую идею. «Это была самая идеологизированная алия за всю историю Израиля, начиная с 1940-х годов. Это были люди, [...] обладавшие четким национальным и сионистским самосознанием [...] Характерно, что именно эта часть русских израильтян наиболее успешно абсорбировалась в стране».¹³⁴

Ответ на вопрос, как такое стало возможным, следует искать в сложившейся ситуации. Многие советские евреи, еще живя в СССР, не стремились к сохранению «культурно-психологической общности со страной своего происхождения».¹³⁵ Большинство из них под воздействием жизненных обстоятельств, бытовавших в СССР, старалось поскорее вжиться в новую для себя действительность и по возможности забыть о прежней. Они полагали, что это облегчит жизнь им и их детям.

Конечно, было бы не совсем верным обобщать сознание миллионов советских евреев, многие из которых на протяжении большей части своей жизни в принципе не думали о репатриации и решились на нее под воздействием привходящих обстоятельств. Покинув СССР, эти люди столкнулись с совершенно новыми реалиями, многие из которых были психологически сложными для их восприятия. Ситуацию, особенно поначалу, осложняли трудности с языком, нехватка средств существования и т. д.

Закономерно, однако, что именно к середине 1970-х гг. Израиль постепенно становится одним из центров «русского мира» за пределами его традиционных границ. Об этом ярко писал в те годы знаменитый журнал «Посев», называя эту страну «самой русской» за пределами СССР: «На улицах больших и малых городов повсюду слышна русская речь. Магазины, тор-

---

¹³³ См.: Paul L. *Swimming in the daylight. An American student, a Soviet-Jewish dissident and the gift of hope.* New York: Skyhorse Publishing, 2011. P. 33.

¹³⁴ Энгель В. В. Социально-психологические аспекты еврейской эмиграции из СССР / СНГ последней трети XX – начала XXI вв. (на примере Израиля, США и Германии) // История российского зарубежья. Эмиграция из СССР – России. 1941—2001. М.: Институт российской истории РАН, 2007. С. 174.

¹³⁵ Зинин Ю. Русские на «Земле обетованной» // Азия и Африка сегодня. 2001. №1. С. 63.

гующие холодильниками, газовыми плитами и прочими необходимыми новым иммигрантам электро- и радиотоварами ищут продавцов, говорящих по-русски. А совсем недавно в самом центре шумного Тель-Авива распахнул двери новый ресторан, названный именем, знакомым каждому русскому человеку – „Распутин“ – с русскими щами и с балалайкой». ¹³⁶ Такое восприятие тогдашней израильской жизни само по себе снимает вопрос о том, готовы ли были бывшие граждане СССР, оказавшиеся в Израиле, отречься от своих традиционных психологических установок. Не всегда и не во всем.

Процесс вхождения в другую социально-политическую действительность зачастую оказывается психологически сложным для многих людей. Неоднократно озвучивая для себя тезис о важности смены прежней страны проживания, СССР, многие из них в действительности не могли быстро разорвать со своим прошлым. Да и зачастую не хотели. Это становилось понятным, исходя из их повседневного поведения.

Таким образом, 1960-1970-е гг. являются уникальными для понимания целостной эволюции процессов эмиграции и репатриации евреев из Советского Союза, а впоследствии из постсоветской России. В водоворот этих процессов попадали люди, которые подчас совершенно по-разному воспринимали происходящее с ними самими, оказавшимися в принципиально новых для себя условиях. Экскурс в историю и социально-политические условия еврейской общности в дореволюционной России и СССР создают основу для рассмотрения на страницах различных печатных СМИ ее мотиваций – применительно к новым для себя условиям, после смены первоначальной страны проживания.

---

¹³⁶ Миловидов В. «Русские» в Израиле // Посев. Франкфурт-на-Майне. 1973. №1. С. 24.

Глава II

Советская алия как важнейшая тема русскоязычной периодики Израиля: на примере журналов «Время и мы» и «22»

Русскоязычная периодика Израиля представляет собой особый духовный феномен, сложившийся более полувека назад и развивавшийся с учетом еврейской ментальности общества. Эта периодика пережила различные этапы развития, соединив в себе самые различные типы изданий: общественно-политические и, развлекательные, рекламные и др. На протяжении нескольких десятилетий типология этих СМИ включала в себя и «толстые» литературно-художественные журналы. Их возникновение стало возможно благодаря особому интеллектуальному уровню репатриантов, приехавших в Израиль в 1960-1970-е гг. Здешные литературно-художественные журналы на русском языке действительно отличались высоким аналитическим уровнем, глубоким осмыслением судеб российского и советского еврейства. Данное обстоятельство придает значимость исследованию этого феномена, относящегося, прежде всего, к журналам «Время и мы» и «22».

Сегодня русскоязычная литературно-художественная периодика в Израиле в известном смысле утратила свои прежние позиции. Это относится к возможностям ее распространения. Схожая тенденция присуща аналогичным литературным журналам во многих других странах, где они некогда получали серьезное развитие, и, в частности, США.¹³⁷ Пытаясь найти объяснение сложившейся ситуации, можно говорить, что новое поколение русскоязычных израильтян не сориентировано на чтение таких изданий, которые далеки от его повседневных интересов. Вместе с тем названный тип периодики оставил серьезный след в истории русскоязычных СМИ (причем не только в Израиле, но и в мире) благодаря своему глубокому проблемно-аналитическому содержанию. Это были издания, рассчитанные на образованных, эрудированных читателей, и именно поэтому они заслуживают внимания сегодня – не только как фактор развития тогдашней общественной жизни, но и как источники лучшего понимания ее политических и духовных приоритетов.

Содержательная проблематика русскоязычных печатных СМИ в Израиле до сих пор изучена недостаточно. Несмотря на наличие большого числа работ, касающихся развития израильского массмедийного пространства¹³⁸, существуют вопросы, редко привлекающие вни-

---

¹³⁷ В США и в XXI в. возникают проекты издания русско-еврейских литературных журналов. Таков, например, основанный И. Шихманом и Д. Гаем в 2006 г. журнал «Время и место» (см.: *Волошин Д.* Связь литературных пространств. Журнал «Время и место» – для писателей и читателей русской диаспоры // *Русские евреи в Америке.* Торонто-Санкт-Петербург, 2015. Кн. 11. С. 158–162). Вместе с тем и в Нью-Йорке русскоязычная периодика в XXI в. переживает нелегкие времена. Так, еще в 2012 г. прекратила существование старейшая газета русскоязычного Нью-Йорка «Новое русское слово».

¹³⁸ *Zilberg, N. & Leshem, E.* Russian-Language Press and Immigrant Community in Israel // *Revue European des Migrations Internationales.* 1996. №12 (3). P. 173–190; *Peri, Y.* Telepopulism. Stanford, 2004; *Al-Haj, M. & Leshem, E.* Immigrants from the former Soviet Union in Israel: Ten Years Later. A Research Report. Center for Multiculturalism & Educational Research. University of Heifa, 2000; *Adoni H.; Cohen, A.A. & Caspi, D.* The consumer's choice: Language media consumption and hybrid identities of minorities // *The European Journal of Communication.* 2002. 27 (4). P. 411–436; *Caspi D., Adoni H.* The Red, the White and the Blue: The Russian Media in Israel // *International Communication Gazette*, 2002, https://www.academCia.edu/6766392/The_Red_the_White_and_the_Blue_The_Russian_Media_in_Israel; *Caspi, D.* A Revised Look at Online Journalism in Israel: Entrenching the Old Hehemony // *Israel Affairs.* 2011. №17 (3). P. 341–363; *Элиас Н.* Роль СМИ в культурной и социальной адаптации репатриантов из СНГ в Израиле // *Диаспоры.* 2006. №4. С. 85–104; *Она же.* Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета. Москва-Иерусалим, 2007. С. 165–193; *Шорер-Зельцер Ш., Элиас Н.* «Мой адрес не дом и не улица...» Русскоязычная диаспора в Интернете // *Диаспоры.* 2008. №2. С. 178–194; *Elias, N. & Lerner, Ju.* Narrating the Double Helix: The immigrant-professional biography of a Russian journalist in Israel // *Forum Qualitative Sozialforschung.* January 2012. 13 (1), <http://www.qualitative-research.net/index.php/fqs/article/>

мание экспертов. Профессор Нелли Элиас из Университета имени Давида Бен-Гуриона в Негеве указывала, что «несмотря на обилие СМИ на русском языке, особенности влияния этих СМИ на интеграцию иммигрантов не удостоились до сих пор серьезного академического исследования». ¹³⁹

Анализируя роль русскоязычных СМИ в жизни Израиля, Н. Элиас отмечает, что они выполняют сложную функцию: «С одной стороны, [эти издания] укрепляют культурные рамки русскоязычной общины, но с другой – способствуют интеграции иммигрантов на основе формирования нового самосознания, включающего еврейские и израильские нормы и ценности, а также актуальную общественную проблематику». Таким образом, подчеркивает Н. Элиас, содержание этих СМИ отражает «гибридную» идентификацию русскоязычных иммигрантов, в которой сочетаются русские, еврейские и израильские элементы, обеспечивающие гармоничное существование, тесную связь с русской культурой и ощущение единства с израильским обществом». ¹⁴⁰

Феномен возникновения и развития в Израиле русскоязычных журналов пока не становился предметом глубокого изучения. Вместе с тем он позволяет глубже понять особенности идентичности репатриантов из Советского Союза, стратегии их адаптации в Израиле.

В данной главе речь пойдет о двух литературно-художественных журналах, созданных репатриантами 1970-х гг. – «Время и мы» и «22». Каждый из них имел свою специфику. Так, «Время и мы», позиционируя себя в качестве органа «русской демократической эмиграции», ориентировался на идейную платформу парижского журнала «Континент», редактируемого В. Максимовым, – одного из ведущих изданий эмиграции. В свою очередь, журнал «22» в большей степени отражал позиции репатриантов, стремившихся к интеграции непосредственно в израильское общество. Как подчеркивает профессор Ариэльского университета Э. Ю. Бормашенко, входивший в редколлегию этого издания, ведущей темой на его страницах «всегда оставалась еврейская жизнь в различных ее проявлениях». В частности, Александр Воронель как главный редактор журнала «22» особое внимание отводил «исследованию сионизма, с учетом философской концепции и идеологии этого явления». ¹⁴¹ Сам А. В. Воронель полагал, что «как и еврейство в целом, сионизм испытывал на себе благотворное влияние селекции, порожденной трудностями». ¹⁴²

Мы проанализировали представленные на страницах журналов «Время и мы» и «22» материалы, посвященные феномену репатриации советской еврейской интеллигенции в Израиль. Интервью многолетнего главного редактора журнала «22» А. В. Воронеля и члена редколлегии издания, профессора Ариэльского университета Э. Ю. Бормашенко, взятые одним из авторов данной книги, дополняют ее содержание.

---

view/1569/3287; Caspi, D., *Elias N. Ethnic Minorities and Media in the Holy Land*. Valentine Mitchell Publisher, 2014; *Elias, N. & Khvorostianov N. «Leave us alone!»: Representation of social work in the Russian immigrant media in Israel // International Social Work*. 2015. May. №60 (2) Эл. ресурс. URL: <https://scholars.bgu.ac.il/display/n19566452>; Энштейн А. Средства массовой информации и политические перемены в Израиле // Ближний Восток и современность. 2001. №12. С. 291—307; *Он же*. Государство еврейских диаспор: этнолингвистическое многообразие израильских СМИ // Диаспоры, 2006. №3. С. 222—260; *Он же*. Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката // Израиль, Россия и русскоязычное еврейство в контексте международной политики. Иерусалим: Открытый ун-т Израиля, 2011. С. 188—200; Довжик С. О «русских» СМИ замолвите слово // Глобальный еврейский онлайн-центр. 16.03.2012. URL: <https://www.jewish.ru>.

¹³⁹ См.: Элиас Н. Гетто или мост? Указ. соч. С. 167.

¹⁴⁰ Там же. С. 192.

¹⁴¹ Из интервью Д. Л. Стровского с Э. Бормашенко 11.12.2017 г.

¹⁴² Воронель А. В. Нулевая заповедь. Харьков, 2013. С. 205.

Русскоязычная пресса Израиля: становление и развитие

Недостаточную изученность русскоязычных СМИ в Израиле, как уже отмечалось выше, можно объяснить их формально большим числом. Эти издания существовали на протяжении всех этапов репатриации. Однако до сих пор не подсчитано общее число русскоязычных газет и журналов; нет и полного списка их редакторов и журналистов.

Известно, что первый русскоязычный «Бюллетень», издававшийся землячеством выходцев из Китая («Игуд Иоцей Син», как значилось на титульном листе), начал выходить еще в 1954 г. По форме это был тонкий журнал, имевший преимущественно информационное содержание (что, впрочем, не помешало ему оставаться на плаву и в начале нынешнего века). Спустя пять лет после создания «Бюллетеня» появился ежемесячный журнал «Вестник Израиля», а в 1963 г. вышел первый номер журнала «Шалом». В нем был своеобразный содержательный «винегрет», состоявший из новостных заметок, небольших по объему корреспонденций и даже теоретических статей, ставящих на обсуждение вопросы сионизма.

Все эти издания не были СМИ в привычном смысле. Массовая информация предполагает наличие социально-ориентированной тематики, без чего не может существовать никакое популярное издание, будь то газета или журнал. Такое СМИ обладает и существованием устойчивых содержательной и графической моделей, а также предполагает работу с аудиторией, без чего интерес к нему не может быть обеспечен. Названная же периодика по большей части была рассчитана лишь на выполнение определенных политических задач.¹⁴³ Эта ситуация продолжалась вплоть до начала 1970-х гг., когда число «русских» в Израиле возросло, что позволило расширить разнообразие СМИ. На фоне формирования широкой читательской аудитории проявили себя более настойчивые попытки создания газетной периодики как наиболее востребованной для этих людей.

Русскоязычная пресса в Израиле с самого начала впитала в себя так называемую «гибридную культуру» (culture of hybridity), которая представляет собой единение двух и более культур, накладываемых друг на друга в процессе практической реализации.¹⁴⁴ Это не уникальное явление в мировой практике. Схожий путь проходила в своем развитии русскоязычная периодика во многих европейских странах (Франции, Чехословакии, Германии и ряде других). Она стала там заметным явлением уже в первой половине 1920-х гг., после массовой эмиграции из советской России. С одной стороны, эта пресса не могла и подчас даже не стремилась сблизиться с местными изданиями, а с другой – с неизбежностью впитывала в себя содержательные смыслы местных культур, что накладывало отпечаток на все ее существование. Доминирующей (core domain¹⁴⁵) для этих СМИ всегда оставалась родная культура.

Отмеченные тенденции свидетельствуют о закономерностях развития «малых» культур в рамках «большой» инородной культуры.¹⁴⁶ В схожем положении с самого начала оказались и русскоязычные СМИ в Израиле. Они сделали значительный шаг вперед в момент нарастания волны репатриации в конце 1960-х гг. Это можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, сыграл роль приток в страну большого числа людей, которые не могли общаться на иврите; при этом им требовались источники информации, прежде всего, для развития своих культурных потребностей. Во-вторых, у подавляющего числа новых репатриантов было высшее образование, и они не могли довольствоваться лишь чтением политически ориентированной пери-

¹⁴³ Энштейн А. Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката // Израиль: русские корни. Иерусалим, 2011. С. 452.

¹⁴⁴ Hall, S. Culture, Community, Nation // Cultural Studies. 1993. №7 (3). P. 362.

¹⁴⁵ Crane, D. Introduction: The Challenge of the Sociology of Culture to Sociology as a Discipline' /The Sociology of Culture. Oxford, 1994.

¹⁴⁶ См.: European Television: Immigrants and Ethnic Minorities /Ed. by C. Franchon & M. Vargaftig. London. 1995.

одики, вроде названного выше журнала «Шалом». В-третьих, в числе репатриантов этой волны оказалось немало лиц творческих профессий (художников, музыкантов и т.д.) и гуманитариев, которых в принципе было трудно увлечь только такой информацией.

Сказанное предопределило активное развитие в Израиле русскоязычного информационного пространства на рубеже 1960-1970-х гг. Поначалу оно было весьма хаотичным, ввиду отсутствия у большинства людей, занятых этим делом, системных представлений о специфике массовой, и в частности журналистской, информации. Тем не менее, в стране довольно быстро оформились два основных типа периодики: *общественно-политические газеты*, оперативно откликавшиеся на запросы дня, и *журналы литературно-философской направленности*, публиковавшие не только чисто литературные тексты, но и статьи по вопросам истории, социально-политической проблематики и т. д. Если первая группа изданий была нацелена на широкую публику, заинтересованную в получении оперативной и познавательной информации как из Израиля, так и из зарубежья, то вторая группа периодики ориентировалась в большей мере на просвещенную аудиторию.

Обращает на себя внимание то, что в эти годы русскоязычная израильская пресса не стремилась ориентироваться исключительно на еврейскую тему. Характеризуя в тот период русскоязычную печать в Израиле, публицист мюнхенского издания «Страна и мир» Ш. Маркиш отмечал, что значительная ее часть не имеет прямого отношения к еврейской культуре: «Фактически это русская эмигрантская пресса, в принципе немногим отличающаяся от русских изданий в Париже, Нью-Йорке или Буэнос-Айресе».¹⁴⁷ Такой подход можно объяснить стремлением редакций к расширению читательского спроса своей периодики и к позиционированию ее за пределами Израиля.

Еврейскими по духу были лишь отдельные издания. Среди них следует назвать журнал «Сион» (1972), начавший выходить как рупор репатриантов новой волны. Однако даже «Сион» постепенно эволюционировал к более умеренной позиции. За рамки еврейской тематики с самого начала вышел и журнал литературно-философской направленности «22», также поднимавший общественно-политические вопросы. В свою очередь аналогичный по типу журнал «Время и мы» позиционировал себя как орган «русской демократической эмиграции». Его платформа сводилась к отстаиванию прав человека на свободное получение и транслирование информации. «Время и мы» не был сосредоточен на «еврейском вопросе», однако его отличала антисоветская позиция, базировавшаяся на либеральных ценностях.

На тот момент именно журналы оказались более влиятельными источниками информации, чем газеты. Это объясняется, прежде всего, экономической составляющей. Выпуск журнала, как правило, обходится дешевле, чем газеты (если не считать современных гляцевых изданий). Число же русскоязычных читателей в 1970-е гг. было таковым, что они при всем желании не могли покрыть издержки от выпуска еженедельной, а тем более ежедневной газеты. Израильский бизнес тоже не стремился вкладываться в русскоязычную прессу, с учетом ее низкой рентабельности. В результате на этом этапе журнал литературной направленности оказался более востребованным по сравнению с другими типами периодики.

Газеты же стали активнее заявлять о себе в самом конце 1980-х – первой половине 1990-х гг., когда в Израиль потянулось огромное число новых репатриантов. Только за 1990-й год русскоязычное население в стране удвоилось, а за два последующих года утроилось.¹⁴⁸ Вместе с тем общий образовательный уровень новых репатриантов стал все-таки ниже по сравнению с их предшественниками, что объясняется увеличением общего числа

---

¹⁴⁷ Маркиш Ш. «То ли в подданстве, то ли в гражданстве» // Страна и мир. Мюнхен, 1984. №7. С. 76.

¹⁴⁸ Эштейн А. Русско-еврейские печатные СМИ в Израиле и причины их заката // Израиль: русские корни. Иерусалим, 2011. С. 453.

приезжавших.¹⁴⁹ Поэтому далеко не все они нуждались в литературных журналах и обращались к СМИ лишь для получения оперативной информации. Это значительно ускорило развитие общественно-политической прессы, ставшей «автономным культурным пространством» во всем многообразии израильских СМИ.¹⁵⁰ Русскоязычная печать «задышала» еще и потому, что вновь прибывшие значительно расширили рынок услуг. Это увеличило приток рекламы в СМИ, в том числе в русскоязычные издания, впервые получившие возможность более или менее стабильного развития.

Русскоязычная пресса в первой половине 1990-х гг. по своим количественным показателям менялась еще стремительнее, чем прежде. Так, в 1990—1993 гг. в Израиле появилось 66 новых периодических изданий. В 1998 г. распространялось уже свыше 120 русскоязычных СМИ, включавших в себя, в частности, четыре ежедневные газеты, 60 еженедельников и 43 ежемесячных журнала разной содержательной направленности. Правильно утверждать, что соотношение общего числа названных СМИ и численности русскоязычных израильтян было значительно выше, чем соотношение СМИ на иврите и количество «коренных» граждан страны. Практически все русскоязычные СМИ печатались в Израиле, что позволяет говорить о чрезвычайно динамичном развитии и местной полиграфической базы. Не случайно этот непродолжительный период называют «золотым временем» израильской массовой информации на русском языке.¹⁵¹

Политизация прессы, получившая развитие в 1970-1980-е гг., все более уступала место ее коммерциализации, и газета «Время» (1991), созданная на средства британского медиамагната Р. Максвелла, оказалась именно таким изданием. Сменив через год название на «Вести», оно соединило на своих страницах информационный и аналитический подходы. Другие русскоязычные газеты (например, «Наша страна» и «Новости недели») также пытались удовлетворить запросы аудитории. Они предлагали политические новости об израильской и российской жизни, интервью и расследования, перепечатанные из московской прессы, развлекательную информацию, включавшую в себя занимательные задачки и кроссворды и т. д. Эти газеты сближали огромное число наших людей, не владевших ивритом, с новыми реалиями, окружавшими их, и одновременно служили для русскоязычных граждан Израиля окном в привычный мир. «Для иммигрантов, испытывающих трудности в освоении иврита, – писала Н. Элиас, – СМИ на русском языке превратились в основной мост, связывающий их с новым окружением».¹⁵²

Вместе с тем всплеск русскоязычной прессы оказался недолговечным. В 2000-е гг. ее начало активно заслонять русскоязычное телевидение, которое с каждым годом все больше перетягивало на себя рекламные бюджеты печатных СМИ. Редакции русскоязычных изданий не смогли приспособиться и к развитию современных информационных технологий. Интернет-сайты таких газет, как «Вести», «Курьер», «Новости недели» и др. все больше проигрывали по информационной наполняемости изданиям на иврите. Кроме того, число репатриантов, приезжающих в последние годы из стран бывшего СССР, снизилось по сравнению не только с 1990-ми, но и началом 2000-х гг. Их дети все чаще перестают воспринимать русский язык как необходимый, им гораздо привычнее читать на иврите. В результате они перестают быть потребителями информации, предоставляемой русскоязычными СМИ.¹⁵³

¹⁴⁹ Эльброн Н. Образование репатриантов – проблема? Релевант: портал актуальной политики, 8.12.2015, <https://www.relevantinfo.co.il/17036-2/>

¹⁵⁰ Zilberg, N. & Leshem, E. Russian-Language Press and Immigrant Community in Israel // *Revue European des Migrations Internationales*. 1996. №12 (3). P. 173—190.

¹⁵¹ Caspi, D. & Adoni, H. The Red, the White and the Blue: The Russian Media in Israel // *International Communication Gazette*, 2002, URL: https://www.academCia.edu/6766392/The_Red_the_White_and_the_Blue_The_Russian_Media_in_Israel.

¹⁵² См.: Элиас Н. Гетто или мост? Влияние русскоязычных СМИ на интеграцию иммигрантов // «Русское» лицо Израиля: черты социального портрета / Москва-Иерусалим, 2007. С. 165—193.

¹⁵³ См.: Janowitz, M. The Community Press in an Urban Setting. Chicago, 1967; Riggins, S.H. The Promise and Limits of Ethnic Minority Media // *Ethnic Minority Media: An International Perspective*. Newbury Park, 1992. P. 276—288.

Как подтверждает мировая практика, уменьшение тиражей периодики даже в самых неблагоприятных ситуациях никогда не происходит стремительно. Однако рассчитывать на всплеск интереса к русскоязычной прессе в нынешних условиях также не приходится. Вероятнее всего, она будет умирать постепенно, однако этот процесс, похоже, неизбежен.

Журналы «Время и мы» и «22»: особенности содержания

«Время и мы» и «22» оказались, пожалуй, наиболее аналитическими изданиями за годы существования русскоязычной прессы Израиля. Оба они выходили в Тель-Авиве, относились к числу журналов литературно-философской направленности и уже в пору своего существования приобрели известность за рубежом. Их отличали четкая эстетическая позиция, высокий уровень художественного слова (в произведениях прозы и поэзии), продуманный взгляд на социально-политические и духовные явления окружающего мира. Для многих эта периодика стала окном в большой мир, поскольку публиковала русскоязычных авторов не только из Израиля, но и других стран.

Оба названных журнала в известной мере развивали ту духовную традицию, которая была присуща литературно-художественной периодике в России. Этот тип журнала появился еще в первой половине XIX в. и продолжил существование на протяжении всего советского времени, а затем и после распада СССР. Он всегда пользовался признанием интеллектуальной части общества: на его страницах печатались новинки прозы и поэзии, а также литературные и философские обзоры, рецензии. Появление этого типа журналов в Израиле было продиктовано ярко выраженной потребностью аудитории ощутить привычное по содержанию издание, к которому они привыкли еще во время жизни в Советском Союзе. Оно не было схожим по набору тем с толстыми журналами, которые выходили в Советском Союзе, однако неизменной оставалась просветительская миссия такой периодики, помогавшей читателям разобраться в сложных вопросах культуры, политики, духовной жизни и т. д.

Главным редактором журнала «Время и мы» («журнала литературы и общественных проблем русской эмиграции», как значилось на его обложке) с момента его основания (1975) был Виктор Перельман, журналист, в свое время сотрудник популярной в СССР «Литературной газеты». В состав редколлегии журнала он привлек известных литераторов, критиков, деятелей культуры из числа репатриантов: Фаину Баазову, Лию Владимирову, Илью Гольденфельда, Михаила Калика, Галину Келлерман, Михаила Ледера, Дмитрия Сегала и др.

Журнал быстро увеличивал свою популярность и открыл представительства в США, Канаде, Франции, Великобритании, ФРГ и Западном Берлине. Он стал голосом русскоязычной еврейской интеллигенции, анализировавшей свое место в израильском обществе. При этом «Время и мы» объединял тех интеллектуалов, для которых идея сионизма никогда не являлась приоритетной.

Журнал отстаивал в большей мере универсальные духовные ценности (во всяком случае, как они понимались в тот момент в среде либерально настроенной интеллигенции). Уже в его первом номере утверждалось: «Среди неверия и суеты, в мире, где грубая сила и ложь становятся нормой отношений между людьми, мы исполнены одной лишь целью – помочь читателю лучше разобраться во времени и в себе».¹⁵⁴ Редакция журнала «Время и мы» была обеспокоена господством в современном обществе потребительской психологии. В этом В. Б. Перельман и его коллеги не были одиноки. Многие и в Израиле середины 1970-х гг. сомневались в том, что серьезная литература будет востребована новым поколением репатриантов. Вместе с тем в журнале считали неверным утверждение, что читатель-эмигрант «инфантилен, и влечения его не идут дальше секса, спорта и детектива». На страницах издания подчеркивалось, что людей по-прежнему волнуют вечные вопросы о смысле жизни и будущем человечества. Эта проблематика и должна была стать основой «нравственной программы журнала», который

---

¹⁵⁴ К выходу первого номера журнала «Время и мы» // Время и мы. 1975. №1. С. 3.

был рассчитан на небезразличного, думающего читателя, или, «по крайней мере, стремящегося думать».¹⁵⁵

С самого начала существования журнала была задана его высокая художественная планка. Первый номер открывался романом А. Кестлера «Тьма в полдень», а в дальнейшем на его страницах увидели свет поэзия и проза Н. Коржавина, А. Галича, С. Довлатова и многих других известных авторов. Журнал отличало стремление следовать традиции русской литературы и публицистики, о чем свидетельствовала появившаяся здесь проза Бориса Хазанова и Виктора Некрасова, стихи Ильи Рубина, Рины Левинзон, критическая эссеистика Натальи Рубинштейн. Редакция журнала активно ставила на обсуждение и серьезные общественные проблемы, анализировала «белые пятна» истории, публиковала мемуары. Сошлемся, в частности, на воспоминания главного редактора В. Б. Перельмана о своей прежней работе в «Литгазете» («Гайд-парк при социализме», №1, 1975), на расследование Б. Орлова «Миф о Фанни Каплан», на очерк Н. Михоэлс-Вовси «Убийство Михоэлса» (оба в №3, 1975). Всего же через журнал за двадцать лет его существования, как посчитал сам В. Б. Перельман, прошло свыше двух тысяч авторов.

Во многом иной содержательный характер носил журнал «22». Его основали в 1978 г. бывшие сотрудники редакции журнала «Сион». По сравнению с изданием В. Б. Перельмана, «22» гораздо активнее продвигал идеи сионизма. Однако после репатриации в Израиль сотен тысяч советских евреев (принадлежавших уже к иному психологическому типу, чем активисты движения за выезд из СССР 1970-х гг.), идейная платформа журнала «22» эволюционировала. Он стал своеобразным духовным мостиком на пути интеграции новых репатриантов в общество Израиля – страны, воспринимаемой на его страницах в качестве неотъемлемой части мировой цивилизации, имеющей, тем не менее, особое историческое и культурное своеобразие. Такая же позиция была присуща этому изданию и на протяжении всех последующих лет.

---

¹⁵⁵ Там же. С. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.